

HORRORZONE

КЛАДБИЩЕ ВЕДЬМ

АЛЕКСАНДР
МАТЮХИН

HorrorZone

Александр Матюхин

Кладбище ведьм

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А. А.

Кладбище ведьм / А. А. Матюхин — «Издательство АСТ»,
2021 — (HorrorZone)

ISBN 978-5-17-145622-1

Хотите верить, хотите нет, но в каждом городке, в каждом поселке — есть своя ведьма, а то и несколько. Хотите верить, хотите нет — им все равно, заметите ли вы иголку в дверном косяке или сожженную яичную скорлупу под забором своего дома. Вы не обязаны верить в ведьмовство, потому что другие — верят. Но как быть этим верящим, если старая ведьма умирает, а ее дочь отнюдь не горит желанием занять место матери? А без ведьмы в поселке нельзя. И поэтому для строптивых колдуний всегда найдется местечко на персональном кладбище — хотите верить, хотите нет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-145622-1

© Матюхин А. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	16
Глава третья	24
Глава четвертая	34
Глава пятая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Матюхин

Кладбище ведьм

© Александр Матюхин, текст, 2021

© Алексей Провоторов, обложка, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Пролог

По горячему летнему небу ползли облака.

Мальчик смотрел на них, задрал голову и прищурил левый глаз. Пытался представить, на что может быть похоже вон то мохнатое облако. Вроде бы собачья голова. Да, так и есть. Зубастая пасть, треугольные уши, плоская вытянутая морда. Овчарка, как в фильмах.

– Пап, смотри, собачья голова! – произнес мальчик, не отрывая взгляда от облака.

Папа ничего не ответил. Он был занят делом.

За спиной мальчика, в глубине двора, тревожно заскулил Тузик – черная дворняга, найденная три дня назад на краю поселка. Тузик был мелким, некрасивым и никому не нужным псом. Он постоянно скулил, будто чуял неладное. Мальчику не нравился Тузик. Какой-то неправильный пес.

Бабушка, высунувшись из окна летней кухни, сказала:

– Через пять минут всё будет готово.

Она обращалась к папе, но мальчик тоже кивнул.

Облако в форме собачьей головы проплывало мимо солнца, касаясь его лохматым загривком. Ветер принес запахи. Что-то жарилось.

– Пап, а что будет, если облако врежется в солнце?

– Хрень какая-то будет, – буркнул папа. – Ты бы лучше делом занялся. Пойди Серафиме Львовне помоги.

– А что ей помогать? Не справится?

Тяжелая папина ладонь впечаталась в затылок. Клацнули зубы.

– Ты не хами тут, – наставительно сказал папа. – Дуй живо, спроси, чем помочь можно.

Мальчик нехотя оторвался от разглядывания облаков и, потирая затылок, побежал через двор к летней кухне. Тузик, привязанный к виноградной оградке на короткий поводок, заскулил и попытался убраться с дороги. Мальчик задорно пнул его под зад и засмеялся над разнесшимся по двору коротким противным визгом.

Так и надо чертовой дворняге. Вертится тут под ногами.

Из окна высунулась бабушка, Серафима Львовна. Все ее лицо состояло из морщин, сквозь которые проглядывали крохотные глазки, приплюснутый нос и тонкие потрескавшиеся губы. Кожа на руках потемнела и покрылась множеством темных пятен.

– Зачем животину мучаешь? – спросила она, потом, не дожидаясь ответа, продолжала: – На, дай сожрать. Пес который день не ест. Должен вмиг заглотить.

В широкой ладони у бабушки лежало черное яйцо. От него остро пахло горелым.

– Сожрет? – спросил мальчик с сомнением, хотя сам же кормил месяц назад таким же яйцом другого пса. Тот умял его за обе щеки.

– Не сожрет – затолкаем, – беспечно отозвалась бабушка и подмигнула.

Серафима Львовна немного пугала мальчика. Про себя он называл ее ведьмой и без лишней надобности старался к ней не приходить. Он бы и сегодня не пришел, но настоял отец. Сказал, что мальчику пора посмотреть, что бывает, когда псы сжирают яйца. Ну вот, похоже, скоро и придется.

Мальчик взял яйцо.

Во дворе, под тенью винограда, папа возился с топором: насаживал лезвие на массивную рукоять.

Топор был семейной реликвией. Папа любил рассказывать историю, что топор этот сделали еще в те времена, когда и поселка-то не существовало, а боярам бороды не резали и пластьев таскать не велели. То есть давно.

С тех пор топор передавали по мужской линии, в наследство. Рукоять гнила, ломалась, приходилось заменять ее на новую. А вот лезвие всегда выглядело так, будто только что было куплено.

– Корми, корми, – пропыхтел папа.

По двору разнесся тяжелый металлический гул.

Мальчик подошел к Тузику. Тот все еще скулил, поджав хвост. Какая всё же бесполезная псина.

– На, жри, – положил перед ним яйцо, добавил мрачно: – А то затолкаем.

Тузика не пришлось долго уговаривать. Он набросился на еду, даже не обнюхав, и проглотил ее в два счета, звонко клацая зубами. Скорлупа и горелые ошметки рассыпались по земле. Вывалился темно-оранжевый кусок желтка, и Тузик стремительно его слизнул, вместе с налипшей пылью.

Мальчику стало противно, и он собрался отойти, но обнаружил, что за спиной стоит отец. В руках он держал топор.

Мальчик догадывался, что произойдет дальше. Не дурак.

В дверях летней кухни появилась бабушка, вытирающая блестящие от влаги руки передником. Оперлась о дверной косяк, с интересом наблюдая.

Отец сгреб Тузика одной рукой, дернул, разрывая поводок. Пес закрутился, заскулил, почуввав опасность, но отец прижал его к боку и понес на задний двор, мимо кухни. Мальчик поспешил следом. Он видел, как бешено мелькают задние лапы пса, расцарапывая отцу кожу на локте.

Дошли до деревянной колоды, на которой бабушка колола дрова для печки. Колода была вся в глубоких и мелких трещинах. Вокруг собрались горки темных опилок.

– Держи! – сухо распорядился отец, придавил коленом пса к колоде и указал рукой на собачью морду. – Крепко держи, чтоб сучонок не дергался.

– Прямо за пасть держать?

– Ну не за яйца же!

Тузик уже не просто скулил, а подвывал.

На лбу отца проступили капли пота.

Мальчик выдохнул, ощущая дрожь в пальцах. Сделал шаг, другой, оказался невероятно близко к распахнутой красной пасти с кривыми зубами, подался вперед и, стиснув обеими руками волосатую морду, ощутил влажность собачьего носа и вязкие сочащиеся слюни.

Пес затрепыхался. Отец надавил коленом сильнее – так, что мальчик расслышал глухой треск костей.

– Тише, тише, – шептал отец, поднимая топор.

Тузик сучил передними лапами, дергал головой – стоило невероятных усилий держать ее. Между зубов пошла желтоватая рыхлая пена.

На мгновение мальчик увидел глаза Тузика. Большие оранжевые глаза, похожие на желток сгоревшего яйца. Они не мигая смотрели в небо.

А затем топор опустился с коротким и тихим:

«Вж-жж!»

Что-то громко хрустнуло. Пес резко дернулся и обмяк. Топор поднялся и снова опустился, в этот раз погрузившись лезвием в колоду. Внутри Тузика что-то надломилось, голова отделилась от туловища и осталась в руках мальчика. Он так и держал ее за пасть, не в силах оторвать взгляда от стремительно стекленеющих собачьих глаз.

Теплая жидкость обрызгала его голые ноги. Громко рассмеялся отец. Мальчик шевельнул головой. Он всё еще ощущал холодную влажность собачьего носа у себя в ладонях.

– Ну вот ты и взрослый, сынок! – хохотал отец. – Совсем-совсем, мать твою, взрослый!

Мальчик поднял голову к небу, прищурив левый глаз. Он невероятно сильно хотел отыскать облако в форме собачьей головы. Но небо было голубым и чистым. Без единого белого пятнышка.

Глава первая

1

Грибову на работе хватало проблем, а тут еще позвонила бывшая и сообщила, что случилось страшное.

– Этот алкаш убил маму, – сказала Надя тихим, прерывающимся шепотом. – Ударил топором, говорят, потом подвесил за ноги на веревке в дверном проеме со стороны улицы, чтобы прохожим было видно. Соседи заметили через несколько часов, вызвали полицию. Ты же знаешь, как у них в поселке с полицейскими. А еще дороги замело... Только к утру приехали. Она там болталась все это время. Кошмар какой-то!..

Грибов представил, как бывшая сидит сейчас на кухне их старой квартиры (время – начало десятого утра, дочь уже в школе, в квартире никого, кроме Нади): налила в чашку горячего чая с лимоном, размешала пару кубиков рафинада и туда же капнула валерьянки. Знаменитое средство от депрессии. Надя им часто пользовалась, по поводу и без. Пару лет назад валерьянку заменяла коньяком.

– Надь, для начала успокойся. – Грибов выскользнул из душного и многолюдного офиса в коридор бизнес-центра. – Что надо сделать? Могу съездить после работы, разобраться.

– Еще как надо. Это же моя мама умерла, понимаешь?

С Надей всегда так. Не видела маму шестнадцать лет. По телефону за это время общалась с ней раз пять – холодно, со взаимными упреками; в Надином голосе постоянно чувствовались злость и обида. А сейчас? Тон такой, словно не было у нее в жизни человека ближе, чем Зоя Эльдаровна.

– А с самим Семенычем что? – спросил Грибов, имея в виду Цыгана, мужа Надиной мамы.

Был это мужичок лет шестидесяти, видный в деревне самогонщик, нагловатый и с каким-то уголовным прошлым. На самом деле звали его Глебом, но кличка Цыган прижилась еще со времен популярного сериала. Глеб Семеныч ходил с пышной черной бородой, носил широкополую шляпу и неизменно курил не сигареты, а папиросы-самокрутки. С Зоей Эльдаровной он познакомился в конце восьмидесятых – перелез как-то к ней через забор по пьяни и попросил погадать, долго ли ему еще одному жить. Тоска Цыгана взяла, домашнего уюта захотел. Надина мама быстро разложила карты и сообщила, что вот оно, счастье, под боком. Цыган долго не думал, начал захаживать в гости, а потом и вовсе остался жить. Так иногда бывает с людьми за сорок – зародилась между ними, может, и не любовь, но крепкая привязанность двух одиноких людей.

– Этот алкаш сдох, – выдохнула в трубку Надя. Было слышно, как она шумно и тяжело дышит. – Туда ему и дорога.

Цыган умер в ванне, рассказала бывшая. Напился, видать, до беспомысленности. Когда убил маму, пошел в ванную комнату, включил горячую воду и прямо в одежде в ванну и свалился. То ли сердечный приступ у него случился, то ли захлебнулся. Точную причину смерти пока не установили. Оба тела увезли в соседний поселок – Знаменский, где находился областной морг.

– Похороны надо организовать. С домом что-то делать, – бормотала Надя. – Кто этим займется? Я одна не потяну, Грибов. Я не выдержу, понимаешь?

– Само собой. Разберемся.

Грибов застыл у окна, в отражении которого разглядел собственную фигуру – худощавый, сутулый, с копной черных волос (не мешало бы, вообще-то, подстричься и побриться

нормально). В костюме с галстуком – рабочий дресс-код. Никогда не любил галстуки. Словно удавка на шее.

В голове закрутились тяжелые мысли. Придется снова возвращаться к прошлой жизни, где когда-то были у него жена и дочка, приезжать в квартиру, где он уже три года как не жил, а только заглядывал набегами... Жалко было бывшую. И ничего не поделать, придется разбираться.

Надя спросила тоскливо:

– Как я без мамы-то?

«Ты и раньше без мамы нормально справлялась», – хотел ответить Грибов, но сдержался.

Часто в последнее время приходилось сдерживаться... Вслух сказал:

– У тебя есть дочь. Думай о ней.

– Угу, – сказала Надя и повесила трубку.

2

Первым делом он заехал в поселок Знаменский – крохотный такой поселочек, окруженный лесами и болотами. Подобных ему в Ленобласти сотни, словно специально прячущихся от цивилизации. Не было в них ничего примечательного, кроме разве что деревянных домиков без газа, что в двадцать первом веке скорее исключение, чем правило.

Морг ютился на краю больничного комплекса, сразу за роддомом и отделением для туберкулезных больных. На машине туда не пускали, и Грибов побрел сквозь заметенную снегом аллею.

Это было одноэтажное здание, выкрашенное светло-желтой пузырящейся охрой. В наступающих фиолетовых сумерках большие окна светились и подмигивали развешанными изнутри гирляндами.

Внутри морга было стерильно и неприятно. Пахло чем-то дезинфицирующим. Стены и пол коридора были выложены белым пожелтевшим кафелем. Чернели обитые дерматином двери. Грибову стало дурно, он прижал к носу воротник пальто. Приметил, что дальняя дверь приоткрыта. Оттуда доносились приглушенные веселые голоса.

Грибов прошел по коридору, стесняясь гулкого эха своих ботинок, осторожно заглянул в кабинет и обнаружил пожилого врача в распахнутом халате и полицейского. Оба пялились в экран ноутбука, что-то разглядывая.

– А, вот и вы! – сказал врач, черные волосы которого выглядели как дрянной парик. – Кое-кто вас тут заждался! Получите, так сказать, и распишитесь.

– Врачебные шутки. Не обращайтесь внимания, – вставил полицейский. – Ваша жена предупредила, что подьедете. Приносим соболезнования и все такое.

Грибов угрюмо кивнул. Больше его заботило, что домой он вернется не раньше десяти вечера, а завтра с утра на работу. Еще надо успеть принять ванну, поужинать, добить отчет, который кровь из носу завтра с утра должен улететь к начальнику на стол, а еще бы неплохо футбол посмотреть краем глаза, «Барселона» – «Боруссия». Столько дел, а он стоит тут, как идиот, в каком-то захолустном морге, решает вопросы, совершенно ему неинтересные. Ради чего?

Кругом суета. Тишины бы.

Врач провел Грибова через кабинет в другой коридор (кафель, синий пол под ногами, желтые лампы), словно уводя в глубины страшного и нескончаемого кошмара. Пахло здесь еще омерзительней. Грибов неосознанно втянул голову в плечи, а руки засунул в карманы. Вдобавок становилось холоднее.

– Еще раз примите соболезнования, – сказал врач, не оборачиваясь. – Хорошая женщина была.

– А вы ее знали?

– Многие ее знали. Помогала людям по мелочам. Кому животных вылечит, кого от глаза спасет. Мою внучку вылечила... Я сам врач, вы же понимаете, но, когда никто на ноги поднять не мог, а Зоя Эльдаровна подняла, – тут без вопросов в любое чудо поверишь.

– Какое чудо? – не понял Грибов. – Вы о чем?

Врач толкнул плечом какую-то дверь, выпуская в коридор яркий белый свет, и жестом предложил Грибову зайти первым.

За дверью оказалось небольшое помещение без окон (снова кругом кафель!), вдоль стен которого стояли большие холодильники стального цвета. Мерно гудели кондиционеры. В одном углу в ряд выстроилось три умывальника – раковины какого-то неестественно молочного цвета – а в центре помещения на двух каталках лежали нагие и мертвые теща и тесть, то есть, стало быть, Зоя Эльдаровна и Глеб Семеныч.

– Вы, наверное, давно не общались с тещей, раз ничего о ней не знаете, – произнес врач. – Плохо это. Родственные связи надо беречь. Я вот с внучкой теперь каждый день вижу.

Грибов сглотнул, ощущая сладковатый привкус в горле. Перед глазами поплыло, и он оперся о дверной косяк, чтобы не упасть.

– А разве на опознании не должно быть еще и полицейских, я не знаю. Или как-то прикрыть их... ну, чтоб одни лица...

– Оставьте эти формальности, – отмахнулся врач. – Оно вам надо? Американских фильмов, блин, посмотрелись. Я вам даже больше скажу – уже давно все опознаны. Говорю же, Зою Эльдаровну много кто знал. Чего же тут непонятного? А вы здесь, чтобы я спокойно галочку поставил и домой пошел. Бюрократия.

Грибов сглотнул еще раз. Мимолетно подумал, что надо было привезти сюда Надю. Это же ее мама, так вот пусть и любовалась бы. А то как дочь в Шишково на лето везти – это Грибов; по телефону перед бабушкой оправдываться – тоже он; труп, значит, смотреть – куда же без мужа? А сама?

Проблема в том, что Надя никогда и ничего не делала сама.

– Вы в порядке? – донеслось сквозь туман в голове. – Только пол мне не заблуйте, умоляю.

– Да... да. – Грибов сосредоточился, вглядываясь в тела.

С головой у Зои Эльдаровны было что-то не так. Лопнувшая тыква, а не голова. Глубокие вмятины и выступы, разорванная кожа, потемневшие трещины – извилистые угловатые провалы, клочки седых волос... Сложно было узнать в том, что лежало на столе, симпатичную полноватую женщину, курносую, с морщинками вокруг глаз.

Зоя Эльдаровна умела варить отличный борщ, мимолетом вспомнил Грибов, а еще гадала на картах, предсказывала судьбу, знала миллион историй о жителях поселка и любила выпить. Нагадала она как-то Грибову проблемы на работе, велела остерегаться кого-то, кто над головой сидит, – и ведь все верно вышло. Не придерешься.

Он моргнул, разгоняя темноту перед глазами.

...Рыхлое желтоватое тело, темные складки, большой безобразный живот с крупными извилистыми синими венами, развалившиеся в стороны полные груди, черные пятна на локтях, на дряблой коже рук и ног... и лицо... хрен разберешь, она – не она. В свете люминесцентных ламп – неодушевленный предмет, расплзшийся, желтовато-сине-бурый, изуродованный.

Грибов старался дышать неглубоко, хотя казалось, что даже через рот вползает холодный, мерзкий запах.

– Это Зоя Эльдаровна Ромашкина... Он ее топором, да?

– Как видите. Четыре раза. Сложно было выжить. Если вас это как-то утешит, то вверх ногами ее подвесили уже мертвой.

– Да уж, утешили. – Грибов прищурился. – А это... вроде бы Глеб Семеныч. Похож.

Темнобородый, костлявый, дряхлый. Шестьдесят лет человеку, а кажется, что все девяносто. В жизни выглядел моложе, а сейчас словно бы стал меньше, съжился, скорчился. Тощий мертвый старик. Кожа на лице и на теле вздулась волдырями, покрылась струпьями, кое-где сползала полупрозрачными лоскутами. Простыня под телом промокла и сделалась желтой.

– От чего умер?

– Пока сложно сказать. Предварительно – сердечный приступ. Не выдержал, знаете ли, стресса.

– А бывает такое? Чтобы сердечный приступ, как по заказу?

– Всякое бывает, – пожал плечами врач. – У меня один пациент умер от того, что сел голым задом на включенную электрическую плиту. Сердце остановилось от испуга. Такие дела... В общем, опознание спешу считать успешным. Пойдемте. Не дай бог побывать у нас еще.

– Да уж. – Грибов заторопился из комнаты, часто сглатывая, чтобы удержать рвущийся из желудка обед.

Когда вернулись обратно в кабинет, воздух показался Грибову невероятно вкусным и насыщенным. До головокружения.

Полицейский составил протоколы опознания, дал прочитать, попросил расписаться там, где галочки, потом отдал Грибову ключи от дома, под роспись. Спросил:

– Вы не знаете, они часто ссорились?

– Я был в этом доме год назад, – ответил Грибов. – Знаете, мы редко к ним ездили. Я привозил дочку пару раз в год, на неделю. Раз завез, второй раз – забрал. Вроде бы всё как обычно было. Ну, она приготовила суп с лапшой, он самогон поставил на стол. Глеб самогон хороший варил. Насколько помню, ни разу друг на друга голос не повышали, не спорили. – Он подумал и добавил: – Мне кажется, Глеб Семеныч просто спился. Прикладывался он много. Спирта наварит и сам же пробует. А варил он будь здоров. На весь поселок, наверное. И в какой-то момент что-то у него в голове щелкнуло.

– А вы думаете, бывает так?

– Почему бы и нет?

Полицейский пожал плечами, словно и сам сомневался.

– В доме не прибрано, – сообщил он. – Торопливо всё произошло, ночью. Никто особо не заботился, чтобы чистоту соблюдать.

– Думаю, я справлюсь.

– Жаль старушку, – вздохнул полицейский. – Меня приводили к ней в детстве. От заикания вылечила. До сих пор помню запах свечей.

Грибов уставился на полицейского, не вполне понимая, о чем он.

– Ну, она ведьмой была, – сказал полицейский. – Если вы не знали.

Конечно, Грибов знал, но эти истории с поселковой ведьмой, которая лечила больных детей, помогала отелиться коровам, заговаривала проклятия, – были настолько далеки от него, что в них даже и не верилось. Несерьезно это.

Полицейский, правда, был очень серьезен. Он сказал:

– Столько людей спасла, а себя не уберегла. Жалко.

Грибов вышел из морга и направился по аллее обратно к машине, не в силах надыхаться морозным воздухом. Небо налилось чернотой, высыпали первые звезды. Желтые фонари по периметру больницы безуспешно оттесняли наступающую ночь.

В бардачке, вспомнил Грибов, лежит бутылка ликера, почти полная. Подарок одного партнера на Новый год. Неделю назад Грибов вот так же выехал за город, встал на обочине и выпил пару стопок, разглядывая темный заснеженный лес. Домой помчался пьяный, лихой, надеясь, что нарвется на полицейских, а дальше – ну ее, эту размеренную жизнь менеджера среднего звена. Аванс, зарплата, расписание. Работа – дом – работа. Одно и то же десять лет, и

еще лет двадцать до пенсии. Надоело. Психанул бы, лишившись прав, уволился, бросился бы во все тяжкие. Но полицейские не попались, слома не произошло, и, очухавшись рано утром, Грибов снова надел костюм, нацепил галстук и отправился в офис.

А сейчас вот вспомнил о ликере и снова захотел остановиться у обочины. Метель, мороз – хорошо. Напьется по дороге обратно. Точно напьется. Но перед этим надо бы смотаться в дом к теще.

3

Он выбрался из машины, отметил, что от дороги к калитке тещино дома протоптана в снегу тропинка – глубокие подмерзшие следы. Прошел по ней, пару раз поскользнувшись.

Дорога была пуста, горели редкие фонари, а небо рассыпало миллионы ярких звезд – такого в городе не увидишь. Грибов даже остановился на пару секунд, задрал голову – полюбоваться.

Потом долго возился с замерзшим замком и наконец провернул его. Послышался негромкий, лязгающий звук. Калитка открылась на четверть – дальше не пускал обледенелый сугроб.

Во дворе было темно и тихо. Слева стоял двухэтажный кирпичный дом, блестел темными окнами, в которых отражались отблески фонарного света. Крыльцо тщательно очищено от снега, только перила оставались под снежной пеленой. Двери закрыты.

Грибов осмотрел широкий двор – кто-то расчистил и его, сгребя снег в рукотворные сугробы вдоль соседского забора, тянущегося справа (наверняка Цыган, кому же еще?). В дальнем конце двора высилась кирпичная пристройка – летняя кухня, с мангалом под козырьком на улице. Там же оборудован курятник, темнеют затянутые сеткой окна. Слева от пристройки, если зайти за дом, будет выход в огород, где у Зои Эльдаровны теплицы. Ну и калитка к соседям.

Странно было находиться здесь без хозяев. В чужом дворе, около безлюдного дома.

Теща сюда въехала в шестидесятых. Была у них какая-то семейная легенда насчет переезда. Пару раз за столом Грибов слышал. Вроде бы дом этот построили еще в начале двадцатого века, до революции. Он чуть ли не первый кирпичный здесь. Какая-то Надина прапрабабка, что ли, жила. Потом всю семью вывезли в Ростов, а одна родственница осталась, стерегла. Большевиков пережила, раскулачивание, потом войну. После войны как раз тещины родители тут поселились, пожили немного и тоже уехали. А уже потом Зоя Эльдаровна вернулась. У них фотографии имеются, где теще местный чиновник торжественно вручает ключи. Мол, за верность традициям, и все дела. Не вспомнить уже точно.

Грибов прошелся по двору, скрипя снегом. За высоким кирпичным забором не было видно соседнего двора, но оттуда просачивался тусклый фонарный свет. Ветер подвывал, холод кусал за щеки. Непривычно тихо было здесь. Словно ночь отрезала от всего остального мира и этот двор, и пустующий дом. Ни машин, ни людей, никаких звуков из-за забора.

Торопливо поднялся по оледенелым ступенькам, отворил дверь, зашел внутрь дома. Где-то справа был выключатель, ага. Крохотная прихожая с вешалкой, а сразу за ней кухня – газовая плита, диван, небольшой пузатый телевизор на холодильнике. Обои белые, с ромашками. Грибов прошел, не разуваясь, в полумраке, на ходу набрал по телефону Надю. Она долго не брала трубку – ну, точно уснула! – потом спросила тихим уставшим голосом:

– Приехал?

– Я уже здесь. Тебя плохо слышно.

Он прошел из кухни в просторную комнату – гостиную. Пол здесь был выложен серым кафелем, стены выбелены, на окнах – воздушные прозрачные занавески. Старый сервант в углу, с советских еще времен, – внутри хрустальные гарнитуры, фотографии внучек в рамках,

Надино фото размером с лист А4. На фото Наде лет шестнадцать, не больше. Веснушки, челка, яркие губы, все дела...

– Как ты там?

– Оpoznал обоих. Жуткое зрелище. Расскажи, что где. Хочу убраться отсюда скорее.

– Ты в гостиной?

– Точно.

– Иди к двери справа, где выход к лестнице на второй этаж. Там дверь в ванную с туалетом. Сразу за ней еще одна комната, вроде кладовки, увидел?

Грибов толкнул плечом дверь, вышел в узкий коридор с полом, покрытым линолеумом, мимо массивной деревянной лестницы с перилами, увидел сначала дверь с матовым стеклом – ванная, и следом еще одну дверь. Открыл ее, нащупал выключатель. Точно, кладовка. Низкий потолок, лампочка болтается. Вдоль стен полки, заваленные разнообразным хламом. Коробки от микроволновки, от чайника, от телевизора, какие-то еще... стопки старых книг, пыльные вазочки, чашечки, рюмочки. Кладбище ненужных вещей.

– И где тут что? – Грибов брезгливо взял двумя пальцами глянецовый журнал «Жизнь» от две тысячи пятого года. Обложка была покрыта толстым слоем влажной липкой пыли.

– Поищи по полкам, должна быть такая коробочка бархатная, темно-красного цвета. Если ничего не изменилось.

– Темно-красного... тут все темно-пыльного цвета... Ты уверена, что за шестнадцать-то лет твоя мама не купила другую коробочку?

– Уверена. Она та еще консерваторша была...

Раздражала пыль, раздражала качающаяся лампа, от которой тени скакали по стенам, словно бешеные.

– На видном месте должна быть.

Точно. Коробочка лежала на стопке пожелтевших распухших газет. Грибов взял ее одной рукой, стащил крышку.

– Паспорт вижу, ага, свидетельство о рождении, пенсионный... медалька какая-то...

– Всё бери, – коротко сказала Надя.

Придавив телефон к уху плечом, Грибов извлек из бархатной коробочки старый, потрепанный по углам паспорт, открыл. С фотографии смотрела не пожилая, но в возрасте, Зоя Эльдаровна. Темные волосы собраны на затылке, взгляд с прищуром, смотрит в камеру серьезно, внимательно. Вглядывается.

– Ты всё еще там? – спросила Надя.

– Да. – Грибов закрыл паспорт, положил в коробочку. – Глеба Семеныча паспорта не вижу.

– И ладно. Главное, мамины документы все забери.

– Готово.

– Хорошо. Спасибо. – Она отключилась.

Грибов выключил свет в каморке и вышел. Сразу заметил, что матовая дверь по коридору справа открыта. Ванная комната.

По затылку пробежал холодок.

А точно ли Цыган убил Зою Эльдаровну?

Глупая мысль, шаблон, выскочивший неосознанно. Как в фильме ужасов, ага. Обязательно где-то в доме должен скрываться маньяк.

Грибов подошел, заглянул в ванную комнату. Увидел смятые пивные банки, разбросанные по полу, горкой валяющиеся в раковине. Темные мокрые следы от ботинок на полу. Полотенца там же – красное, синее и желтое. Ванну увидел – в бурых подтеках по краям, с грязными, серыми разводами. Еще много пустых пивных банок. Серая высохшая пена каплями застыла на белом кафеле.

Сутки назад Цыган, лучший, мать его, самогонщик в поселке, лежал в этой самой ванной, мертвый, недвижимый, с каплями (*как капли пены на кафеле*) крови на руках и на лице. Может быть, он пытался смыть с себя кровь? Лил и лил кипяток в ванну, потому что в горячей воде лучше отмывается. Умывался, счищал последствия безумия с пальцев, с бороды, со щек. Натирал лицо полотенцами до красноты. А затем – бам – и свалился в воду, как кусок мяса в бульон. Для навару, так сказать.

Шлён!

Показалось, будто кто-то негромко хлопнул в ладоши. Где-то внутри ванной комнаты. Эхо скользнуло по углам и затихло.

Тугая капля воды соскользнула с крана и ударилась о дно ванны.

Шлён.

Грибов прикрыл дверь, заторопился через гостиную к выходу. Заметил, что по полу гостиной в сторону кухни тянется извилистый бурый след, словно тащили здесь мокрое и тяжелое. Ясно же, что именно тащили. Вернее – кого.

Вырвался на улицу, замер на пороге. Пальцы крепко сжимали бархатную коробку. С крыльца хорошо просматривалась часть улицы. Дом через дорогу – трехэтажный, из белого кирпича, с высоким чугунным забором. Перед воротами – дорогая иномарка. Справа и слева от него – дома пониже, видны только треугольные шиферные крыши. А еще – все та же тишина. Ночью в поселке люди спят.

Уже через десять минут Грибов выехал из поселка в сторону города. Он таки остановился у обочины, выгреб из бардачка бутылку ликера, которая болталась там с новогоднего корпоратива, и пил, пока не стало тошно. А потом помчался по заснеженной дороге домой.

Глава вторая

1

Когда незнакомый голос в трубке сказал: «Ваша мама умерла», – Надя почувствовала, как в груди у нее что-то оборвалось.

Она села на стул, не заметив, как смахнула со стола вязальные спицы. Не хотела спрашивать, но слова вырвались сами собой:

– Как это произошло?

– Ужасно, лучше без подробностей. Не хочу сделать вам еще хуже, – сообщил незнакомый голос. – Меня зовут Крыгин Антон Александрович, я сосед вашей мамы, живу напротив. Мы с вами встречались много лет назад. Может, помните?

– Я давно не приезжала...

– А я вас хорошо помню. Вам лет пятнадцать было, приходили как-то в гости, кукурузу от мамы принесли, вареную... Так вот, вы не подумайте чего. Я приехал с работы, в администрации работаю, задержался, то есть дома был где-то в начале одиннадцатого вечера. И вот увидел, что дверь дома вашей матери открыта. С улицы хорошо всё видно. Так вот, ваша мать висела в дверях, если позволите, вверх ногами...

– Вверх ногами? – К горлу подкатил горький комок. Надя зажала рот ладонью, едва сдерживая слезы. Слушала дальше, плохо запоминая, а в голове стучало: «Мама, мама, мама...»

Крыгин рассказал еще какие-то подробности: про распахнутую калитку, комья снега на крыльце, про скрип толстой веревки, когда тело раскачивалось на ветру...

– Извините, что именно я приношу такие вести, – добавил он виновато. – Просто выяснилось, что ни у кого нет вашего номера. А я в администрации работаю, ну и... Маленький ресурс, так сказать. Жена просила передать вам свои соболезнования. Моя Оксана очень хорошо знала вашу маму. Та ее от радикулита вылечила, знаете? Хотя не знаете, не интересовались. Ваша мама была замечательным человеком...

Он бы, наверное, продолжал монотонно бормотать еще долго, но Надя в какой-то момент вежливо оборвала разговор, поблагодарила, сказала, что обязательно перезвонит, и положила трубку.

За окном едва светлело – в Питере зимой солнце выглядывает не раньше начала одиннадцатого, – серый рассвет проникал сквозь прозрачные шторы, смешиваясь с желтым светом ламп и мечущейся Надиной тенью.

Как и тень, лихорадочно метались в Надиной голове мысли, взвихренные внезапным звонком.

Мамин голос вынырнул из прошлого: «А я говорила тебе, что всё это плохо кончится! Как теперь тебя звать-величать? Шлюха? Шалава!»

Давно забытые воспоминания. Шестнадцать лет их хоронила, закапывала в темноту снов и прожитой жизни, а стоило услышать сокровенное: «Мама», – и вынырнули из небытия образы, мысли, ожившие голоса.

Надя заварила чаю, бросила в чашку пару кубиков рафинада, постояла перед холодильником – была не была! – достала бутылку коньяка, которую ей подарили в октябре на день рождения, свернула крышку, подлила немного. Буквально пару капель для начала. Потом все равно не остановится.

Тут такое...

Позвонила бывшему, вывалила на него всё, что знала. Расплакалась, не сдержавшись.

Положила телефон на стол и в два глотка допила чай. Плеснула в теплую чашку еще коньяка. Сегодня можно. Хороший коньяк согревает не только тело, но и, блин, душу. Мартини тоже согревает. Красное вино. Ликеры разные. Лучшее средство от депрессии. Напиться бы до бессознательного состояния. Провалиться в сладкую полудрему, чтобы в голове дымка. Как раньше. Хорошо ведь было, никто не спорит.

Отвлечлась. Рассеянно посмотрела на бутылку. Сколько лет не пила алкоголя? Два года. Время от времени позволяла себе бокал шампанского (на Новый год), вино (на свадьбе подруги). Но ничего крепкого очень давно. Ни-че-го.

Мама умерла.

Мама, мамочка... Ни разу не виделась с того дня, когда Надя ушла из дома – беременная, без копейки в кармане, без телефонов и адресов. А потом редко созванивались. Стремительные, холодные обрывки фраз... Обе понимали, что пора перестать обижаться, что надо бы встретиться и поговорить, но никто так и не переступил черту, не сделал первый шаг. Ведь всегда страшно быть первым, верно?

Она подошла к окну, вглядываясь в серость и туман. Город, конечно, уже проснулся, но люди ходили на лунатиков, бесцельно бредущих по заснеженным тротуарам, едущих по заснеженным же дорогам. Целый город замерзших зимних лунатиков.

Словно в противовес одноцветному пейзажу выпорхнуло воспоминание – одно из потревоженных, а прежде так старательно спрятанных, – яркое, весеннее.

Раннее утро. Из окна дома виден лес. Изумрудные кроны деревьев, лениво шевелящиеся от ветра. На горизонте поднимается краешек круга неокрепшего, темно-красного солнца. В эти месяцы на улице еще холодно, но очень хочется, чтобы было тепло, чтобы ветер не морозил щеки. Невольно думаешь, что надо бы одеться полегче, не натягивать теплые носки, шапки, варежки. А солнце и голубое небо на рассвете обманывают. Глядя на них, веришь, что если выйти на улицу, то можно окунуться в стремительно приближающееся лето...

...Надя спускается со второго этажа, обнаруживает в гостиной накрытый к завтраку стол: тушеная картошка, заварочный чайник, бутерброды и вазочка с конфетами. Особенно яркое воспоминание. Мамы нет. Зато висит в воздухе сладковатый и густой запах воска. Надя знает, где в таком случае надо искать маму...

«Черт бы тебя подрал! Влезать в мою жизнь!»

Завибрировал телефон, возвращая в реальность, едва не упал, и Надя подхватила его, расплескав из чашки коньяк. Звонили из полиции, говорили об опознании, о похоронах, о том, что надо опросить людей. Спрашивали, есть ли еще близкие родственники (никого нет, кроме меня), как быстро сможете приехать (бывший муж после работы будет у вас, он все сделает), нужна ли помощь (нет, все в порядке). После полиции звонили из морга Знаменского, потом пару раз неизвестные люди назывались мамиными близкими друзьями и выражали сочувствие.

Откуда у них номер?..

Началась суета, от которой Наде всегда становилось неуютно. Она всю жизнь бегала от суеты, пряталась в норках мелких кабинетов, квартир, салонов такси. А тут навалилось всё и разом. Появилась тоскливая мысль – когда же закончится? После похорон? Мама доставляла хлопоты и после смерти...

Надя прошла в гостиную, долго рылась на полках шкафа, куда по старой привычке складывала сотни ненужных вещей. Выбрасывать их было вроде бы жалко, а оставлять – бесполезно. Там лежали стопками старые учебники, школьные тетради, одежда, из которой дочка стремительно выростала, книги, коробки с новогодними игрушками, обувь, сломанный ноутбук и много чего еще. Среди хлама Надя искала то, о чем давно забыла, а теперь вот вспомнила. Несколько раз ее отвлекали звонками. Незнакомые голоса спрашивали, правда ли Надя дочка Зои Эльдаровны, а потом принимались бубнить что-то о большом горе, невосполнимой

утрате, желали держаться и не горевать, ведь мама теперь в куда лучшем мире. На пятом или шестом звонке Надя не выдержала и перевела телефон в режим полета.

На нижней полке за стопками старых простыней она нашла пухлый альбом в красной бархатной обложке. Вернулась с ним на кухню, положила на стол. Обложка альбома покрылась пылью. Сколько его не открывали? Десять лет? Пятнадцать?

Снова далеким эхом раздался мамин голос из прошлого: «Шлюшку из тебя изгоняю! Давно пора!»

Этот альбом – единственная вещь, которую Надя когда-то давно попросила Грибова привезти из маминого дома. Сорок страниц воспоминаний о счастливом детстве. Застывшие мгновения. Впрочем, она давно забыла об этом альбоме и, наверное, не вспоминала бы, если б не мамина смерть. А теперь...

Надя открыла альбом на первой странице. Старая черно-белая фотография: на стуле сидит мама в длинной юбке и толстых цветных гольфах, в платке и тапках. Рядом папа – полноватый мужчина с пышными усами, одет в широкие черные брюки и расстегнутую рубашку с высоким воротом. На руках держит крохотный белый сверток. Взгляд у папы возбужденный и счастливый.

Он исчез примерно через месяц после Надиного рождения. Уехал на казенном грузовике в командировку на юг и не вернулся. Пропал вместе с грузовиком. Мама рассказывала, что папу даже объявляли в розыск, думая, что он угнал машину и продал где-нибудь, но потом сгоревший КамАЗ нашли под Воронежем. Папы в нем не было.

Надя наполнила чашку коньяком до краев. Взяла из вазочки конфету.

Следующая страница. Еще одно черно-белое фото. Мамин двор. На заднем плане – летняя кухня с распахнутой дверью. В дверях стоит какой-то высокий и сутулый мужчина в темных брюках и белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. На переднем – улыбающаяся Надя. Ей здесь года два, не больше. Торчат частокором зубы. Большие темные глаза. Виден край дома с кухонным окном. А из окна выглядывает мама в черном платке, тоже улыбающаяся и счастливая. Платки сильно ее старили. Вроде бы на этом фото ей тридцать семь, а с первого взгляда – как будто все шестьдесят. Если приглядеться, то видно, что морщины еще не тронули мамино лицо, она в самом расцвете сил. Но одеваться, конечно, не умела совсем... Вернее, одевалась по-деревенски. Как все в Шишкове.

От коньяка закружилась голова, мысли стали легче. Надя отпила еще немного, надкусила сладкую конфету, из-за которой во рту скопилась вязкая слюна. Плакать уже не хотелось, горечь немного отступила. Воспоминания со старых фотографий, вкуче с опьянением, вызвали приступ ностальгии. Надя перелистнула несколько страниц, разглядывая фото, и ощутила грустное спокойствие. Злость, которая сидела где-то в душе много-много лет, стала уходить, как боль из затянувшейся раны.

Глоток коньяка. Конфета.

На последней фотографии – мамин дом. Двухэтажный, из красного кирпича. Шиферная крыша, печная труба, веранда, которую разобрали незадолго до Надиного ухода (побега!).

Снято со стороны улицы. Невысокий забор наполовину скрывал два окна (синие рамы – вспомнила Надя). Хорошо видно крыльцо. Дверь открыта, а на пороге мама. Она уперла руки в боки, кокетливо позируя. Кажется, что сейчас крикнет: «Надька, зараза! А ну, быстро домой!» А Надя побежит через дорогу, чувствуя, как в босые пятки впиваются мелкие камешки, а за голые ноги цепляется трава.

Запах воска всплыл в памяти, защекотал ноздри.

Надя моргнула. Ей показалось, что изображение на фотографии наполнилось красками. Или это воспоминания подбросили нужную информацию?..

Мама на фото была живая: щеки налились румянцем, кожа потемнела от загара. Мама больше не улыбалась, а злилась.

Ее окрик: «Иди в дом, шлюха! Поговорим!»

2

Надю сморило на половине бутылки. Коньяк был дорогой, хороший. Не ударял в голову сразу, а окутывал сознание ощущением сонной воздушности, подготавливая к плавному переходу ко сну.

Она не заметила, как задремала на диване в гостиной. Проснулась спустя три часа от того, что где-то в подушках под головой завибрировал телефон. Звонила Наташа.

– Мам? Ты чего не открываешь? Я уже три раза домофон набрала. Ты вообще дома?

– Да-да, конечно. – В голове шумело, Надя потерла висок ладонью. – Я уснула, дорогая. Мне нехорошо... Сейчас открою, подожди секунду!

Тяжело поднялась, путаясь в колючем плеле, нажала кнопку домофона и сразу отправилась в кухню. Убрала коньяк, чашку, схватила альбом.

В коротком страшном сне ей привиделось, что из альбомных страниц выползла темная высокая тень с длинными руками и скрюченными пальцами. Надя запомнила яркую белозубую ухмылку и растрепанные волосы. Существо несколько раз звонко шлепнуло в ладоши, отчего по комнате разлетелись водяные брызги.

Надя мотнула головой, разгоняя остатки кошмара, после чего затолкала альбом подальше на холодильник, чтобы никто не смог его найти. Не надо нам здесь страшилок.

Когда Наташа зашла в квартиру, гремя музыкой из динамиков телефона, Надя чистила в ванной зубы. Высунулась, растрепанная, с белой пеной на губах:

– Обед в холодильнике, разогрей!

Надя умылась, посмотрела на себя в зеркало. Помятое, усталое лицо. Голова к тому же раскалывалась. После сна мысли сделались вялыми и неторопливыми. Депрессия, чтоб ее, навалилась, не отпускала. Старая Надина подруга. Сколько вместе с ней было выпито алкоголя...

На кухне Наташа разогревала в микроволновке тарелку с супом.

Надя застыла на пороге, невольно любуясь дочкой. К шестнадцати годам Наташа успела усвоить важное правило – надо всегда быть женственной. Совсем недавно она была неказистой, мелкой девчонкой, а тут вдруг в ее манерах появилась изящность, плавность, присущая очаровательным обольстительницам из кинофильмов. Она научилась томно моргать, делать губки «уточкой» и капризничать при мальчиках. Ее гардероб быстро наполнился обтягивающими платьями, туфлями на каблуках, светлыми блузками и лифчиками самых разнообразных форм. При этом характер Наташи был непредсказуем, как ураган. Какая-то мелочь могла вывести ее из себя до истерики, до воплей и ненависти к родителям, миру и жизни вообще. Надя лишний раз не дергала дочь, потому что много читала про переходный возраст и взросление. Считала, что лучше в такой ситуации держать нейтралитет. Но иногда, конечно, случалось.

– Как дела в школе?

– Нормально, – ответила Наташа. Ногти у нее были накрашены ярко-голубым лаком. И когда успела? – Ты есть будешь?

– Нет, спасибо. Я уже.

– Что-то случилось? – Наташа села за стол. – Ты про бабушку узнала, да?

Кольнуло в сердце.

– Откуда ты?..

С Наташей такое случалось. Черт знает как, но, бывало, опережала на мгновение, смахивала с губ еще не высказанную фразу. Как-то в три с половиной года она спросила у Грибова, серьезно заглядывая ему в глаза: «Пап, а ты плавда не хочешь больше сестличек и блатиков?» Все тогда здорово посмеялись, вот только Надя и Грибов за час до этого обсуждали на кухне,

что не собираются больше заводить детей. Наташа не могла этого слышать, поскольку спала за двумя дверьми, а родители разговаривали шепотом. Откуда узнала? Как догадалась?

Потом тоже всякое случалось, хотя и не часто. Наташа предсказывала погоду, знала, когда в школе внезапно отменят занятия, а однажды за завтраком сообщила Наде, что та может не торопиться на работу, потому что «туда придут милиционеры и всех арестуют». Необъяснимо перепугавшаяся Надя тут же позвонила директору, который, конечно, посмеялся над предсказанием, но спустя полтора часа был арестован сотрудниками управления экономической безопасности. Надя узнала об этом, стоя в пробке, за полкилометра от офиса. Она до сих пор помнила, как по затылку будто провели холодным лезвием.

Каждый раз, когда у Наташи случались такие вот видения, Надя думала о маме, которую в поселке считали ведьмой. Что это, наследственное? Бывает вообще такое?

В то, что у мамы был какой-то дар, Надя верила, но с оговорками. Да и в Наташин верила, чего уж. Просто старалась не погружаться в эту тему, не делать жизнь сложнее, чем она есть.

– Бабушка умерла, да, – произнесла Наташа таким тоном, будто говорила о погоде.

– Ты меня сейчас пугаешь, – пробормотала Надя. – Папа звонил?

– Вот еще. – Наташа шевельнула плечом. – У него вечно много дел.

Надя выдохнула.

– Бабушка умерла, верно, – сказала она. – И Цыган вместе с ней. Ужасная история. Он с ума сошел, ударил бабушку топором, потом... потом сам тоже умер.

– Кошмар, – сказала Наташа и, будто потеряв к страшной новости интерес, переместилась с тарелкой супа к кухонному столу. Села на табурет, поджав одну ногу, положила перед собой телефон. На телефоне крутилось какое-то видео.

– Наташа, милая, – Надя пыталась тщательно подобрать какие-то умные и важные слова. – Это большое горе для всей нашей семьи. Хотя бы покажи, что проявляешь немножко сочувствия.

Наташа опустила ложку, тяжело посмотрела на Надю:

– Мама, милая, – произнесла она, нарочито копируя интонацию матери. – Ты не видела бабушку шестнадцать лет. Только я к ней и моталась каждое лето да по праздникам. Поэтому позволь мне самой выбирать, как переживать, а как нет. Хорошо?

Это был аперкот без предупреждения.

– И зачем ты так со мной?

– Захотелось. – Наташа снова зачерпнула ложкой суп. – Не бери в голову, плохое настроение.

– Плохое настроение? Ты серьезно? То есть для тебя вот это всё – плохое настроение? Бабушка умерла, а ты?.. Подожди-ка... – Надя внезапно кое-что заметила. – Это, блин, что такое?

Надя провела рукой по волосам дочери, прежде чем та успела отдернуть голову.

Кто-то состриг Наташе челку, прошелся ножницами по вискам и затылку. Неумело, криво, вырвав ключья волос то тут, то там. Неровные срезы, торчащие волоски. Наташа пыталась скрыть уродливые патлы, кое-как причесавшись, – но разве такое скроешь?

– Кто это сделал? – Надя почувствовала, что начинает злиться. Это была уже совсем другая злость – материнская. Острые иголки сквозь тупую ноющую боль в голове. Впрочем, нетрудно было догадаться, что произошло. – Снова подралась?

За последние два месяца Надю вызывали в школу трижды. Наташа, освоив приемы женственности, тут же начала флиртовать с мальчиками из старших классов. Одноклассникам вышеупомянутых мальчиков это не нравилось, и они приходили на переменах «разбираться». Ну а где словесные перепалки, там и драки. Наташа после драк ничему не училась, флиртовала вновь и нарывалась на очередную драку в туалете или за школой. Умела конфликтовать, в общем. Вся в мать.

Надя не знала, как решить вопрос. Пару раз она звонила родителям старшекласниц, угрожала, что вызовет полицию, поднимет вопрос перед директором школы, но эффекта никакого не было. Тем более, если начистоту, Наташа тоже была виновата. Строить глазки взрослым мальчикам... ох уж эти подростки!..

– Мам, всё нормально, – шевельнула плечом Наташа, не отрываясь от экрана телефона.

– Они же тебя изуродовали!

– Не драматизируй. Я всё равно хотела постричься. Завтра схожу в парикмахерскую, сделаю нормальную причёску.

– Это снова те девчонки из старших классов?

Иголки злости больно впивались в виски, в затылок, в кончики пальцев.

Наташа промолчала.

Это всегда так. Детям кажется, что они способны разобраться со своими проблемами и без взрослых. До поры до времени. Пока не становится слишком поздно.

– А если бы они тебе глаза выкололи? – спросила Надя, сжимая и разжимая кулаки.

Наташа ответила едва слышно:

– Мы разобрались.

– Как? Ты вообще понимаешь, куда можешь впутаться? Это мальчишки должны драться, а не вы. Хочешь, чтобы я снова позвонила? У меня все телефоны давно есть. Разберемся!

Надя неосознанно провела пальцами по Наташиным волосам, ощущая неровность срезов. Наташа осторожно отодвинулась:

– Мам, – сказала она снова. – Я знаю, что ты хочешь позвонить Машиным родителям, поругаться, покричать. Не надо. Это не самое лучшее решение. Я постригусь и постараюсь больше не ввязываться в драки. Договорились?

Надя тяжело вздохнула. Навалилось всё сразу. Сначала бабушка, теперь вот челка... Неравнозначно, конечно. Вспомнила, как сама в детстве частенько хватала за волосы деревенскую забияку Ленку Шестакову из параллельного класса. Ох и понаставили они друг другу синяков!

Детская жестокость – это в каком-то смысле нормально. Тренировка перед взрослой жизнью. Оттачивание, так сказать, мастерства.

– Ладно, – сказала она. – Наташа, надо постричься сегодня. Так ходить... безобразно. Будь выше. Сейчас поешь и сходи, сделай нормальную причёску. Чтобы лучше всех, хорошо?

– Не надо больше звонить никому, – еще раз попросила Наташа. – В прошлый раз всё равно не помогло.

«Прошлый раз» был две недели назад, когда Надю вызывали в школу по поводу драки. Одна из старшекласниц, Маша Семенцова – высокая, стройная девочка с хорошо очерченной большой грудью и с абсолютно волчьим взглядом на красивом веснушчатом лице, – поймала Наташу в туалете и попыталась макнуть ее головой в раковину, под струю кипятка. Наташа сопротивлялась, но Маша была сильнее, и в итоге у Наташи долго не сходили с шеи красные пятна от ожогов... Тогда Надя не сдержалась. У классного руководителя она взяла телефон Машиной мамы и долго, зло кричала в трубку всё, что думает о Маше и о ее родителях. Потом, впрочем, она поняла, что кричать бесполезно. На другом конце ее слушала безразличная тишина. Тишина, исходящая от человека, которому было плевать. Сухой и тихий голос спросил: «Вы всё сказали?» – и собеседница отключилась. Машина мама не приходила в школу, а на родительские собрания посылала пузатенького лысоватого мужа. Надя подозревала, что Машина мама вообще редко опускается до общения с кем бы то ни было.

Надя вышла из кухни в гостиную, села на диван, сжав в руках сотовый телефон.

В ухо шепнула мать: «Шлюшка расплачивается за свои грехи».

Эту фразу Надя слышала, когда выбегала из родительского дома шестнадцать лет назад. Крик в спину из комнатки под лестницей. Запах воска. Мама лепила из расплавленных свечей

круглые неровные шарики и бросала их в таз с теплой водой. В тазу плавали пучки трав, деревянные щепки, черные, обугленные яйца. Мама опускала в воду руки, перемешивала так, что в центре таза появлялась миниатюрная воронка, и, глядя на Надю большими темными глазами, бормотала: «Негоже порядочной девушке спать с двумя мужиками! Шлюшка и есть! От одного ребенок, от второго – репутация! Весь поселок о тебе говорить будет, если мамка не предпримет меры! Но мамка у тебя умная. Слышишь? Это ты дуручка, а я-то знаю, что делать!»

И Надя видела (или по прошествии лет убедила себя, что видела), как вода в тазу начинает пузыриться, словно вскипает, и из нутра накрученной воронки поднимается белый свет.

«Нет, мама! Это же мой ребенок! Это же мой...»

«У шлюшек не бывает детей! Ты даже не знаешь, кто отец! Артем или Коля? А раз не знаешь, то я тебе подскажу и покажу! Стало быть, надо узнать, надо решить!»

Надя вздрогнула и сообразила, что сидит на диване в гостиной своей квартиры. Она уже взрослая, самостоятельная... и сколько лет прошло, а? Пора бы забыть всё.

Помотала головой, отгоняя слишком живые воспоминания.

Запах воска. Словно только что вдохнула...

Картинки перед глазами поблекли, стали сначала черно-белыми, как фотографии из старого альбома, потом растворились совсем. Прошло много лет. Прошлого не вернуть. Мама мертва. Со всех сторон навалилось настоящее – осязаемое, близкое.

– Я не шлюшка, – пробормотала Надя.

Она набрала сохраненный две недели назад номер, какое-то время вслушивалась в гудки, а когда щелкнуло соединение и женский голос спросил: «Да?», начала бормотать негромко, чтобы Наташа не услышала:

– Здравствуйте. Я мама Наташи. Ваша дочь сегодня угрожала моей ножницами. Я хочу сказать, что если вы не поговорите с Марией, то мне придется обратиться с заявлением в прокуратуру...

3

Наташа четко знала время, когда бабушка умерла.

В половине второго ночи комната погрузилась в беспросветную вязкую темноту, а на грудь Наташи будто запрыгнул тяжеленный кот и впился когтями в кожу. Наташа открыла глаза, но ничего, конечно же, не увидела. Темнота просачивалась сквозь стиснутые зубы, заполняла уши и налипала на веки.

Такое уже бывало. Можно привыкнуть, если захотеть.

Внутри головы зародился шум, будто прокручивались шестеренки старого механизма: далекий скрип, скрежет, тяжелый медленный стук. А потом – раз! – и ее комната исчезла. С черноты сорвали одеяло, мир напитался красками, обрел пугающую реалистичность, плотность, осязаемость.

Наташа поняла, что лежит на кровати, но уже не в своей комнате, а в гостиной бабушкиного дома. Холодный ветер вдруг налетел с жадностью одичавшей собаки, растрепал волосы, задрал одеяло. Наташа быстро подобрала ноги, села оглядываясь.

Она сразу увидела бабушку, лежащую на кафельном полу. Руки ее были раскинуты в стороны, одна тапка слетела с ноги, обнажая фиолетовый носок. Голова оказалась как-то неестественно вывернута: левой щекой бабушка уперлась в пол, стеклянным глазом смотрела куда-то вбок. Рот был приоткрыт, несколько выбитых зубов прилипли к растрескавшейся губе.

Из-под тела бабушки медленно расплзлась лужа крови, похожая на скользкого темно-красного монстра.

А рядом валялся топор – большущий, с массивной рукоятью, лезвие которого тоже было в крови. Капли, разбрызганные по полу, напоминали божьих коровок. Остро запахло смертью – Наташа не знала, как пахнет смерть, но почему-то была уверена, что этот коктейль должен содержать в себе запахи гнили, пота, протухших яиц. Взболтать, но не смешивать.

Еще Наташа увидела тень, будто где-то за пределами гостиной стоял... кто-то... хозяин топора. Бесформенный и страшный. Выждал... Он готов был нанести удар топором еще раз, в любой момент, только дайте повод... И он каким-то невероятным образом почувствовал присутствие Наташи. Понял, что она видит гостиную, видит бабушкин труп. Хотя на самом деле Наташи там не было.

Она уловила движение воздуха и повернула голову в тот самый момент, когда размытая тень метнулась в ее сторону. Успела увидеть длинные руки с изогнутыми пальцами, услышала треск, похожий на скрежет ломающихся механизмов, а потом пронзительно завопила.

На мир стремительно накинута черная покрывало, вопль растворился в вязком воздухе, и спустя секунду (или черт знает сколько времени) Наташу вышвырнуло обратно в ее милую, хорошую, родную комнату.

Настольные часы с мягкой зеленоватой подсветкой показывали без двадцати два ночи. За окном сонно прошуршал шинами автомобиль. Где-то в горле застрял обрывок крика. И еще был запах смерти. Он как будто прилип к ноздрям. Его нужно было вдохнуть, иначе не избавиться.

Наташа осторожно втянула носом воздух, закашляла. Сердце колотилось как бешеное. Подушка была влажной от пота. Наташа встала с кровати, подбежала к окну и быстро закрыла его, потом задернула шторы.

Сон сделался размытым, нереалистичным. Но Наташа знала, что всё, увиденное в нем, – правда. Бабушка мертва, ее убили, а какая-то злобная тень спряталась в доме, поджидая... кого? Новых гостей?..

Прямо у окна Наташа вдруг расплакалась. Она размазывала слезы вспотевшими ладонями и беззвучно тряслась от накатившего страха.

Вспомнилось, как несколько лет назад бабушка сказала ей:

– Как только меня убьют, тебе придется встретиться лицом к лицу с очень большим злом. Держи в уме, хорошо?

Сказано это было невпопад, за ужином, когда бабушка с Цыганом распивали из граненых рюмочек холодный самогон. Наташа в тот момент ковырялась вилкой в яичнице и смотрела по телевизору «Поле чудес». Она даже не сразу сообразила, что бабушка обращается к ней. А когда поняла, неловко рассмеялась, потому что бабушкины слова были нелепые и какие-то совсем неправильные. Следом рассмеялся Цыган и хриплым голосом попросил не пугать ребенка на ночь глядя. Только бабушка не смеялась. Она держала на весу рюмочку и смотрела на окно, закрытое деревянными ставнями.

...Слезы закончились быстро, и Наташа, вернувшись в постель, забралась под одеяло с головой. Она прихватила с собой телефон и наушники. Запустила на репите «Нирвану» и тихонько уснула под хриплый голос Курта Кобейна, который пел что-то про призраков и детей.

Глава третья

1

Наташа вышла из автомобиля первой.

Ее немного укачало – почти час пришлось трястись сначала по трассе, потом по деревенскому бездорожью. Даже плеер и громкая музыка не спасали. Голос Саши Васильева дрожал и подпрыгивал на кочках, словно солист был пьян и плохо попадал в ноты. Обычно, когда Наташа ездила к бабушке на лето, поездка не казалась такой муторной и долгой. А теперь вот так... Дело, наверное, было в том, что теперь Наташу никто не ждал.

Мама, как всегда, застряла где-то в глубине салона. Запихивала в сумку вывалившиеся вещи, искала черные очки. Копуша.

– Ну же, не тяни резину, – едва слышно пробормотала Наташа, поправляя лямку рюкзака.

Папа обошел автомобиль, хрустя подошвами по ломкому насту, и сразу же закурил. Окинул взглядом Наташу, задержался на обкромсанной ножницами челке, тяжело вздохнул. Наверное, хотел что-то сказать. Что-нибудь утешительное, но Наташа поспешно отвернулась. Папа не умел утешать, да и не до него сейчас было.

Возле бабушкиного двора стояло несколько автомобилей, вгрызшись колесами в наметенные за несколько дней сугробы. На лавочке у калитки расселись бабушки, каждой из которых было лет по сто, не меньше. Сквозь приоткрытые ворота Наташа разглядела людей, суетящихся во дворе. Как много, оказывается, у бабушки было друзей!

– Мам, я пойду в дом, – сказала она. – Холодно тут стоять. Догоняй.

– Я с тобой, – буркнул папа, швыряя окурок в снег. Он выкурил едва ли половину. Нервничал. – Организовать всех надо.

Ему было неловко, Наташа видела. После того как папа ушел из семьи, он никак не мог наладить с дочерью связь. Будто обвалился мост, по которому Наташа могла без проблем перебежать к папе, делиться с ним какими-то своими переживаниями, обниматься, тереться носом о его щетину и просто сидеть рядом, чувствуя тепло и заботу. Теперь ничего этого не осталось – мост обратился в груды скользких камней. Попытки пересечь развалины были, но Наташа сознательно держала дистанцию. Она не могла понять, как относиться к папиному уходу. Как его принять.

Они молча прошли ко двору. Папа снова достал сигаретную пачку, повертел в руках, затем со вздохом убрал ее обратно. Он, кажется, бросал курить, да всё никак не получалось. Как в старом анекдоте про «Сникерс».

Наташа услышала перешептывания, доносившиеся с лавочки: «Это, значит, внучка. Хорошенькая. На бабушку похожа, да? И норовом, говорят, тоже».

Юркнула за калитку. Папа, нагнав, пробормотал:

– Проходи в дом, и сразу – мимо гостиной, не останавливайся. Дуй на второй этаж, к себе в комнату. Нечего тебе на ужасы всякие смотреть.

Сам остановился, приветливо поздоровавшись со старушками, завел разговор с подошедшими женщинами, головы которых были покрыты черными платками.

Наташа задержалась буквально на секунду, оглядывая двор. Справа, почти вплотную к забору, молчаливые люди расставляли длинные деревянные столы и лавочки. Какие-то мужчины убирали снег большими деревянными лопатами. Кто-то мелькал в окне летней кухни, и из открытой двери валил густой белый пар. Кажется, тут всё было хорошо организовано и без папы.

Наташе раньше не доводилось бывать на похоронах, но она прекрасно понимала процесс, не маленькая. Сначала бабушку и Глеба Семеныча повезут на кладбище, где обоих закопают. Мама почти наверняка будет плакать, папа сдержит слезы. Потом во дворе за этими вот столами соберется множество людей, они будут есть, пить, произносить поминальные речи об усопших. Мама снова будет плакать. А потом начнут петь песни. И каждый гость обязательно, ну просто обязательно, скажет, какая у бабушки выросла красивая внучка.

– Пойдем, солнце. – Появившаяся внезапно мама взяла Наташу за руку, потянула к дому.

Черные очки скрывали мамины заплаканные глаза и потекшую во время поездки тушь.

Сени оказались забиты обувью и одеждой. На кухне орудовали немолодые женщины в халатах и передниках. Пахло мясом, салатами, стекла запотели изнутри, на газовой плите пыхтели и позвякивали крышками кастрюли.

– Ой, какие люди пожаловали! – Полная розовощекая женщина, которой было лет, может, пятьдесят, подошла ближе, уперев руки в боки, улыбнулась, разглядывая девочку. – Ну, здравствуйте. Галину Викторовну помнишь?

Наташа пожала плечами. Кажется, эта женщина приходила к Цыгану за самогоном.

– Какая красавица у бабушки выросла! Ягодка! – Она перевела взгляд на маму, и улыбка тут же сползла с большого раскрасневшегося лица. – И вам доброго дня, Надежда. Имя-то у вас неподходящее, да? Не оправдываете.

Мама открыла было рот, потом закрыла, не зная, видимо, что ответить.

– Вам тут не рады, – сказала Галина Викторовна, обращаясь к маме. – Просто чтобы вы знали. Нельзя так поступать с родными. Ушли, и всё? Совсем забыли, кто вас вырастил и воспитал?

Мама ничего не ответила, но сжала Наташину ладонь и резко потянула за собой, в гостиную.

Там, под низким потолком, около телевизора, на табуретах стоял гроб. Вот что имел в виду папа, когда попросил здесь не останавливаться. Вокруг гроба толпились совсем уже старенькие бабушки, сгорбленные, худенькие – словно призраки спустились, чтобы принять в объятия новоприбывшую. По стенам ползали дрожащие тени. На табуретках стояли зажженные свечи. Чей-то надтреснутый старческий голосок монотонно бубнил молитву.

Кухонные ароматы проникали сюда и смешивались с каким-то острым и неприятным запахом, от которого Наташе захотелось чихнуть. Кое-как сдерживаясь, не поднимая головы, она прошмыгнула в коридор, к лестнице на второй этаж.

– У бабушки голова закрыта черной тканью, – пробормотала мама, догоняя. – Ужас какой...

– Еще бы. – Наташа закрыла дверь, отрезая гостиную от коридора, и уже тут звонко чихнула. – Ее же ударили топором по голове несколько раз. Цыган ударил.

– Ты меня пугаешь.

– Правда жизни, что такого? Он был пьян, говорят, взял бабушку, протащил через весь дом, а потом повесил вниз головой в дверях. А сам набрал ванну кипятка и свалился туда. Как в сказке про царя, который сварился.

Мама еще крепче взяла Наташу за запястье.

– Это кто такое говорит? – прерывающимся голосом спросила она. – Сама придумала? Как обычно, с этими своими видениями в голове? Или отец рассказал? Он язык за зубами не умеет держать. Вечно болтает всякое.

– Ничего такого. Просто знаю. – Наташа осторожно высвободилась из цепкого захвата. – Не нужно быть такой впечатлительной, да и всё.

Мама хотела что-то еще сказать, но у нее, как всегда, не нашлось слов. Мама была пьяна, от нее разлило алкоголем вперемешку с валерьянкой. В сумке наверняка лежала бутылка вина или коньяка. Наташе было неприятно находиться рядом с пьяной мамой. Она уже отвыкла,

почти забыла, а теперь вот пришлось резко вспоминать – запах перегара, неверную мамину походку, ее постоянные перепады настроения...

– Пойдем, – сказала мама наконец. – Тебе в детскую, а мне носик попудрить.

Она прошла по коридору, зацепила ногой горшок с разлапистым фикусом, стоящим под окном. Ругнулась вполголоса:

– Понаставили тут... Раньше не было... – и потопала наверх по скрипучим ступеням.

Мамина тень скользнула по стенам и исчезла в тонких трещинках деревянной обивки. Наташа повернула голову, неосознанно подчиняясь внутреннему позыву, и уставилась на крохотную дверь под лестницей. За дверью был бабушкин рабочий кабинет, куда она никого не пускала, кроме редких гостей. Обычно на двери висел замок, и маленькая Наташа потратила много времени, чтобы хоть как-то попытаться его снять. Детское любопытство, как известно, не знает слова «нельзя».

Однажды бабушка застала Наташу у двери с металлическим прутком, которым девочка пыталась сбить петлю. Бабушка рассмеялась, а затем сказала:

– Пока не время, радость моя. Как-нибудь ты войдешь, но без меня.

– А что там интересного? – Наташе было восемь. Она думала, что за дверью скрывается какой-то волшебный мир, вроде Нарнии или страны с Изумрудным городом.

– О, ты удивишься так, что ум за разум зайдет, – ответила бабушка, улыбаясь редкими желтоватыми зубами. – Я была такой же много лет назад. Всюду совала нос. Это хорошо, дети должны быть любознательными. Но каждому делу свое время, правильно же? Так что наберись терпения и жди.

Ключ бабушка носила с собой. Он болтался на черной тесемке, которая была обмотана вокруг запястья левой руки. Только им можно было открыть замок.

Но сейчас никакого замка на двери не было. Дверь оказалась закрыта на обычную щеколду. Можно подойти, отодвинуть ее, и...

И что же Наташа увидит? Что-то такое, от чего ум за разум зайдет? В Нарнию она уже не верила. А вот в колдовство, которым обладала бабушка, – вполне.

Наташа закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Темнота, конечно, не приходит по заказу. Мир не посылает сигналов, когда очень хочется. Но все же...

– Куда потерялась? – окликнула со второго этажа мама. – Копуша!

Что-то мелькнуло в уголках глаз. Сгустки черноты. Белые кляксы. Черточки. Детали. Изображения.

Дверь ванной комнаты за спиной Наташи отворилась – девочка резко обернулась, открыла глаза и с трудом подавила вопль. Вышел какой-то мужчина, вытирающий полотенцем руки. Был он высокий и худой, с коротким ежиком седых волос, остроносый и с крохотными глазками под редкими бровями.

– Привет, красавица! – сказал мужчина, улыбнувшись. – Ты, наверное, внучка Зои Эльдоровны? А папа твой где, не знаешь? Как раз ищу его.

– Он на улице. Со старушками разговаривает, – ответила Наташа.

Секунду назад она видела это лицо, сотканное в черноте из штрихов и деталей. Наташа уже знала: мужчину с полотенцем звали Антоном Александровичем Крыгиным. Он работал в администрации поселка.

Мужчина вытер руки, повесил полотенце на крючок и вышел из коридора в гостиную.

Наташа некоторое время разглядывала дверь без замка в бабушкин рабочий кабинет. По старому дереву расплзались белые кляксы, но они быстро исчезли – как и любой «глюк», который возникал время от времени в Наташиной голове.

– Ну, где ты? – снова позвала Надя сверху.

– Я к тебе еще вернусь! – пообещала Наташа двери и поспешила наверх.

2

Грибов задержался сначала у калитки, здороваясь с безмянными старушками, потом во дворе – когда его окружили местные и принялись выражать сочувствие. Кого-то он знал, кого-то видел в первый раз. Надя с дочерью исчезли в дверях дома, и Грибов в какой-то момент захотел оказаться рядом с ними, подальше от бестолковой суеты и мрачного настроения.

На крыльце он столкнулся с долговязым мужчиной лет около шестидесяти, одетым в костюм с галстуком. На лацкане значок – российский триколор.

А еще, подумал Грибов, разглядывая узкое лицо с длинным носом, тонкими губами и крохотными темными глазками, человек напоминал крысу. Высокую такую, сутулую крысу.

– Артем Леонидович, здравствуйте! – Мужчина протянул руку для пожатия. – Я сосед, если не помните. Вон там, через дорогу живу. Антон Крыгин. Это я, если помните, обнаружил тело. Скорблю. Ужасная новость, ужасная.

– Вы мне звонили... – вспомнил Грибов. – Спрашивали разрешения, чтобы начать процедуру... гхм, похорон.

– Да-да. Так получилось, у нас с женой есть ключи. Мы с вашей тещей были в отличных отношениях, часто заглядывали друг к другу. Поселок маленький, как же иначе? Страшно, конечно, что встречаемся в таких вот обстоятельствах. – Крыгин засуетился, пропуская Грибова к дверям, затем в сени, затараторил: – Я вас как раз искал! Если позволите, я хотел бы еще чем-нибудь помочь. Чем-нибудь, знаете, существенным. Не просто пару слов сказать или гроб отвезти. Мелковато это всё для такой женщины, как Зоя Эльдаровна!

Грибов обернулся через плечо. Крыгин стоял на крыльце, разминая тонкий слой снега туфлями, и оживленно жестикулировал. Темные редкие волосики на лбу растрепались. Был он окутан паром, словно иллюзионист, выходящий на сцену. Щеки покраснелись, под носом блестели капельки пота. Мокрая крыса. Выдра, ага.

– Великолепная была женщина!.. – повторил Крыгин, проводя ладонью по волосикам. – Половина поселка на ней держалась. Я такой ведьмы никогда не встречал.

– Что вы сказали? – переспросил Грибов.

– Зоя Эльдаровна очень многое сделала для Шишкова. – Крыгин прижал тонкие ладони к груди и выразительно вздохнул. – Я, если позволите, вращаюсь в тех самых кругах, где положено обращать внимание на добрых людей. Так вот, Зоя Эльдаровна была не просто доброй. Она очень помогала.

– Кому?

– Всем.

– А про ведьму что?

– Вы не знали? Она умела лечить людей. Предсказывала будущее. Сводила и разводила. Мою корову на ноги подняла. Много, много чудных вещей.

Грибов тряхнул головой.

– Слышал что-то, – сказал он. – Не задумывался просто. Это разве не слухи? Ну, вы действительно в это верите?

– Как же не верить, когда я своими собственными глазами видел?

Грибов тряхнул головой еще раз, будто мог вот так запросто вытряхнуть нелепые мысли. Спросил:

– А чем вы хотели помочь? Я пока не очень представляю...

– Дом очистить надо, от негативной энергии, – пояснил Крыгин, продолжая улыбаться. – Вашу тещу убили, а убийство обладает очень мощной аурой. Энергия тут теперь такая, что лучше не соваться. Я бы даже ночевать не стал. Ну, знаете, у негативной ауры есть свойство где-то оседать, за кого-нибудь цепляться. Она как паразит... У меня есть связи, если позволите.

Могу привести кое-кого, чтобы очистил. Всё за мой счет. Считайте, что это дань уважения безвременно погибшей.

– То есть вы все же верите?

– А вы, стало быть, нет? – Брови Крыгина поползли вверх. – Хотя вам простительно. Это мы, жители маленьких поселков, ужасно суеверные и обращаем внимание на разное... Поверьте, лишним не будет, если приведу, хорошо? Вы с женой не против?

– Мы в разводе уже несколько лет, – вырвалось само собой, и Грибов отчего-то смутился.

– Такое тоже случается, – понимающе кивнул Крыгин и снова пригладил жиденькие волосы. – Я бы ауру проверил на вашем месте. Лишним не будет. Любовь ведь проходит не просто так, разные факторы влияют. Психологические, мистические. Сглазил кто, а? Мы вот с женой больше двадцати лет в браке. Один раз нас чуть не развели, представляете? Нашлась тут одна, пришла из соседнего поселка, влюбилась в меня... а когда я отказал, представьте себе, накинула порчу, прямо на перекрестке. Еле выкрутились.

Грибов слушал этот бред и не понимал, почему он все еще стоит в сенях, где у окна суежились женщины, что-то режущие, лепящие, готовящие. Почему не уходит? Проклятая вежливость. Человек из администрации не нравился ему всё больше и больше. Мало того что похож на выдру, так это была еще и слишком болтливая выдра.

– Проверьте кое-что, – напутственно сказал Крыгин. – Иголки в дверях. Обломки ножей под полом. Поищите лезвия от ножниц, хорошо? Всякое бывает...

Грибов деликатно улыбнулся. На ножницах лимит общения с незнакомцами у него истек.

– Простите, перебыю. Мне надо срочно заниматься вопросами организации, – буркнул он и пожал Крыгину руку.

Ладонь у того была холодной и влажной – словно лягушку потрогал. Едва сдерживая гримасу брезгливости, Грибов поспешил к двери в гостиную. Последнее, что он услышал, было:

– Я вас наберу, если позволите. Через пару дней, как тут всё уляжется! Знаю, знаю одного человечка, он обязательно поможет...

3

Обычно Наташа спала крепко. Она была не из тех подростков, что просыпаются по сто раз за ночь, хотят пить или бегают в туалет. Уж если положила голову на подушку, то могла проспать в одной позе до самого утра.

Но сегодня вдруг проснулась. Что-то мелькнуло в темноте ее сна, заставив открыть глаза.

Она была в детской на втором этаже бабушкиного дома.

А бабушка уже лежала в гробу на кладбище, мертвая. Отец уехал. Гости разошлись. Только пьяная мама спит где-то за стенкой и ничего, ничегошеньки не слышит.

В горле пересохло. Наташа перевернулась на спину, заложив руки под голову.

Сон приснился сумбурный и неприятный, из тех снов, которые запоминаются на уровне ощущений и эмоций. В нем вдруг появился Цыган. На голове у него была широкополая шляпа с торчащим гусиным пером (как и всегда, впрочем), изо рта свисала папироса. Наташа заметила, что у Цыгана что-то с лицом. Будто наклеили поверх кожи мятый прозрачный пакет, и он очертил морщины, потянулся извилистыми складками от бровей к подбородку, по щекам. Цыган погладил сухими темными ладонями бороду, а потом звонко хлопнул в ладоши. Он часто так делал – когда смеялся, злился или хотел привлечь внимание.

Шлеп!

Она подумала: «Можно ли проснуться во сне и не заметить, что все еще спишь?»

За окном бесшумно прополз свет фар, осветив дрожащие тени деревьев. Наташа вспомнила минувший день: суетные похороны, гроб с бабушкой, который отвезли на кладбище,

заплаканную маму, поминки во дворе – молчаливое сборище каких-то незнакомых людей, которые выпивали и ели, а больше ничего и не делали.

Сон улетучивался и стирался из памяти. Наташа вышла из детской, направляясь в туалет на первом этаже, и заметила, что дверь напротив приоткрыта. В тусклом свете настольной лампы Наташа разглядела спящую маму. С ее губ слетали какие-то слова, вперемешку с храпом. Не надо было складывать мозаику, чтобы понять, как сильно мама пьяна. Тормозов у мамы в этом деле не было. Папа поднял ее на второй этаж незадолго до отъезда. Уложил прямо в одежду, набросил сверху тонкое одеяло.

– Я вернусь завтра, – сказал он Наташе. Видимо, очень не хотелось Грибову оставаться ночевать в доме рядом с бывшей женой. В дверном косяке на первом этаже он нашел воткнутую ржавую иглу и до самого отъезда держал ее в руке, как какой-то талисман, время от времени разглядывая с серьезным видом.

На первом этаже горел свет, растекался из гостиной. Наташа спустилась вниз, мельком увидела часы на стене в коридоре – одиннадцать часов ночи. Не так поздно, как казалось. Зашла в ванную комнату и тут же направилась к унитазу. Быстро сделала свое дело, попутно размышляя, надо ли идти в гостиную в поисках воды или сразу отправиться на кухню. Когда потянулась к сливу, вдруг услышала бабушкин голос:

Шлюшка пришла сама, никто не звал, да?

Наташа вздрогнула, обернулась. Ванная комната была пуста. Яркий свет разгонял тени. Кто-то снял и убрал висевшие раньше над ванной занавески, и теперь из стены торчали только две тонкие серые трубки. В углу стояла стиральная машина. Какое-то белье в красном пластиковом тазу мокло на стиралке.

Бабушка при Наташе никогда так не разговаривала. Тон у нее сейчас был язвительный, дрянной, как у девчонок в школе, которые постоянно говорили гадости...

Чего забыла-то? На месте не сидится? Знает кошка, чье мясо съела?

Голос доносился из коридора.

– Баба Ряба? – пробормотала Наташа испуганно.

«Ряба». Вырвалось само собой, из прошлого.

Так она называла бабушку в детстве, лет, кажется, до шести. Бабушка очень любила рассказывать сказку про Курочку Рябу. Для этого брала внучку на руки и несла в летнюю кухню, где у нее во второй пристройке за сетчатым забором жили куры. Большие рыжие курицы лениво спали на насестах и даже давали иногда себя погладить. Под курицами лежали старые ушастые шапки. Они были набиты золотистой соломой, и вот в этой соломе время от времени можно было найти белые или коричневые яйца. Бабушка брала одно такое яйцо и начинала рассказывать сказку:

– Жили-были дед да баба, и была у них Курочка Ряба.

Яйцо у нее в пальцах крутилось, вертелось, словно ожившее, острым кончиком то вверх, то вниз.

Рассказывая сказку, бабушка возвращалась в дом, зажигала газ, ставила сковородку...

– Снесла курочка яичко, да не простое, а золотое. Дед бил-бил, не разбил. Баба била-била, не разбила...

Наташа внимательно слушала, потому что в бабушкином изложении финал у этой сказки каждый раз отличался от «официальной» версии. Между тем бабушка разбивала яйцо о край сковородки и выливала прозрачный тянущийся белок, а следом за ним шлепался желток, который обычно был темного, почти красного цвета...

– А всё потому, что яичко это им не принадлежало. В яичке этом собрала ведьма из соседнего поселка столько гадостей, сколько вообще можно собрать. И никто бы его вообще не разбил. Лежало бы яичко, скажем, на холодильнике и приносило бы бабке с дедом одни несчастья.

Яйцо шипело на сковородке, поджаривалось, чернело по краям. Но бабушка словно и не замечала. Она улыбалась и продолжала:

– А тут добрая ведьма мимо бежала, ручкой махнула, яичко упало и разбилось. Только его нельзя было просто так разбивать, иначе все гадости так бы и высыпались на дорожку. Прохожий бы подцепил незаметно, заразился, ну и пошло-поехало. Поэтому добрая ведьма взяла яичко и зажарила до черноты, а потом скормила Бимке. Он у нас хороший пес, всё сожрет.

Наташа, правда, никогда не видела, чтобы яйцо на сковородке сгорало до черноты. Как только появлялся характерный запах, бабушка уводила внучку из кухни, отвлекала, а она и не запоминала ничего надолго, как любые дети. Сказку, правда, запомнила. Каждый раз, когда бабушка снова заводила ее в сарай с курами, кричала радостно: «Баба Ряба, баба Ряба! Расскажи еще раз! Расскажи про яичко!» Та только улыбалась в ответ.

А сейчас бабушкин голос, обманчиво-ласковый, окутал ванную комнату, будто пар:

Я же тебе помогаю, дурочка. Ты, это, сама не решишь эти проблемы. Даже не пытайся. Силенок не хватит.

Откуда баба Ряба знает, что происходит в школе? О Маше, которая, ну... с которой не надо было связываться вообще?

Тишина.

Бабушкин голос растворился. Или не было его вовсе, а был морок, пришедший в ночной час спросонья.

Наташа выскочила из ванной – быстрее, забраться под одеяло, закрыть глаза! – и увидела вдруг, что дверь в комнатку под лестницей открыта.

Из комнатки не лился даже, а бил по глазам яркий дневной свет. Наташа заморгала, различая какой-то стол, несколько табуреток, мохнатый ковер на полу. Увидела квадратное окно с паутиной на стекле и скошенный потолок.

А еще у стола стояла бабушка – полноватая, чуть сторбленная, плечи опущены, голова склонена. Уперла руки в боки (ее любимая поза), выставила левую ногу в тапочке. На ногах синие чулки, одета в цветастый халат, пояс которого скрывается где-то в складках живота. На голове косынка, из-под нее топорщатся в стороны седые с синевой волосы.

Как живая!

Спрашивает, не разлепляя губ:

Ну, что скажешь-то?

Наташа застыла, не в силах заставить себя пошевелиться. Ноги словно вмерзли в холодный кафельный пол. Баба Ряба вернулась в дом. Выбралась из гроба, расшвыряла замерзшую землю, сорвала с лица уродливый черный платок и добрела по снегу с кладбища.

Какие-то страшные картинки закружились в голове.

Наташа поняла: это прошлое. То, что было, но уже давно стерлось из людской памяти. События, ушедшие навсегда. Знания, которые хранились за запертой дверью. Они очень хотели поселиться в чьей-то голове, но никак не могли вырваться. А сейчас замок исчез, дверь распахнута. И еще Наташа здесь.

Очень вовремя, знаете ли.

Возле бабы Рябы появилась мама. Совсем еще молоденькая, лет двадцати, а то и меньше. Одета в короткую юбку выше колена и черные колготки. Красная блестящая курточка, из-под которой выглядывает желтая футболка. Густые черные волосы зачесаны невероятным каскадом – на чем только держатся, интересно? Словно падающая волна. В ушах болтаются огромные серьги. Не мама, в общем, а какой-то подросток из старых фильмов.

Спрашивает:

Зачем ты вмешиваешься в мою жизнь?

Наташа вздрогнула. Мамин голос был тонкий и пронзительный, не такой, как сейчас.

Бабушка улыбается, но не по-доброму, а кривоватой, злобной усмешкой, обнажив несколько золотых зубов. Такую усмешку на ее лице Наташа никогда не видела.

Ты моя дочь, я тебя растила и воспитывала. Мне решать, как пойдет твоя жизнь дальше. Усекла?

Перед глазами возник образ молодого папы: кучерявого, подтянутого, высокого. Папа ехал на автомобиле, радио играло какую-то веселую музыку, и папа, выстукивая пальцами по упругому колесу руля, подпевал: «Вот, новый поворот...»

И еще один образ, незнакомый – мужчина с тонкими рыжими усиками, с аккуратной короткой стрижкой; огненно-рыжие волосы зачесаны влево и тщательно приглажены. Щеки, нос и даже подбородок – в густых веснушках. Мужчина скорее смешной, чем симпатичный. Весь какой-то угловатый, неправильный... слишком большая голова на тонкой шее, острые плечи... И всё бы ничего, но...

Бабушкин крик сквозь хрупкую вуаль образов:

Знаешь, какие слухи ходят? Вырастила, говорят, проститутку! А та еще одну родит. Так весь род и потянется!

...в голове всплыл еще один образ, словно трейлер фильма, который крутят в кинотеатре перед премьерой. Неприятная сценка, мерзкая, жаркая и скользкая от пота. Мама, обнаженная, в объятиях этого рыжего. Он тоже был обнажен, и Наташа видела его спину с выпирающими позвонками и лопатками, туго обтянутыми веснушчатой кожей. Мама на спине, а рыжий склонился над ней, уперев руки в ее плечи. Целовали друг друга, обнимали, *ласкали*. У мамы была небольшая упругая грудь с острыми торчащими сосками. Складочки на пояснице. Капли пота на шее.

Тонкий, пронзительный и вместе с тем рычащий стон вырывается из мамино горла.

Бабушка говорит: *Ничего ни от кого не скроешь. Сплетни кругом. Слухи.*

Молодой и кучерявый папа приехал. Хлопнул дверцей авто, прошел в подъезд, поднялся в лифте на четвертый этаж. Квартира сто сорок девять (смутные воспоминания, мама говорила, что они жили там, пока Наташе не исполнилось четыре года). Вдавил кнопку звонка. Сухая далекая трель. Щелкнул замок. На пороге – мама. Вспотевшая, растрепанная, улыбающаяся. Капли пота собрались на висках и между лопаток. Она даже не одевалась, просто прикрыла еще не остывшее от *ласк* тело толстым махровым полотенцем. Ждала папу. А рыжий где? Он вышел десять минут назад. Пригладил перед этим волосики, застегнул рубашку, натянул брюки.

И зачем Наташе эти знания?

Она потерла виски, обхватила голову руками.

Надо оторвать ноги от липкого пола и убежать на второй этаж. В этой комнатке под лестницей слишком много секретов. Не зря бабушка запрещала туда заглядывать.

Разорвут. Искалечат. Уничтожат.

Подойди ближе! – говорит бабушка маме. – *Не надо перечить, солнце. Я и так позволила тебе зайти слишком далеко.*

Электрическая плитка раскалена докрасна. Скрученная обжигающая спираль... Дохлая муха медленно поджаривается на изгибе, и от нее тянется вверх черная струйка дыма.

Мама отвечает неуверенно: *Это мой ребенок! Я сама решу, что с ним делать!*

Поздно решать. Надо было думать, прежде чем раздвигаешь ноги, идиотка!

Голос бабушки срывается на визг.

Злоба выливается из комнатки и выплескивается в коридор, словно вязкое маслянистое пятно черного цвета.

Бабушка прыгает вперед, выставив перед собой руки со скрюченными пальцами, хватая маму за подол платья, тянет к себе. Мама кричит, замахивается и звонко бьет бабушку по щеке.

Падает табурет. Бабушка тащит маму к себе. Та молотит кулаками, не глядя. Правый кулак падает на электрическую плитку. Резкий шипящий звук, крик, голубые струйки дыма. Запах горелого мяса.

Нет, мама, нет, пожалуйста!

Баба Ряба прижимает ее к себе, заломив руки. В правой руке сверкают ножницы с широким лезвием. Мама кричит, барахтаясь в крепкой бабушкиной хватке. Звенит посуда на столе: тарелки, чашки, ложки. Всё вокруг ходит ходуном. В окне мелькает и пропадает яркий огонек.

Запах мяса просто невыносим.

Баба Ряба хватается маму за волосы и впивается в эту невероятно густую черную волну ножницами – Щелк! Щелк! – отрезая один клочок за другим.

Бабушка кричит: *Если кто-то родится, то конец нашему роду. Позор, позор!*

Бабушка стрижет, высунув кончик языка от усердия, швыряет грубо отрезанные клочки в воздух. Волосы кружатся, падают на стол, на пол, на плитку – вспыхивают на ней яркими секундными искорками. Через какое-то время мама перестает биться, безвольно обвисает, и только голова дергается, как у куклы.

Голос у мамы теперь был тихий и робкий: *Пожалей меня.*

ХРУСТЬ!

Ножницы срезают еще один большущий клочок. Бабушка трясет им в воздухе:

За что тебя жалеть, дорогая? Пока не родила – жалеть нечего! А теперь и не родишь, слава богу.

На затылке у мамы остался один длинный локон, будто черная змейка, соскользнувшая на висок. В тот момент, когда бабушка пытается схватиться за него, мама внезапно дергает головой, подныривает под бабушку, уходя от ее крепкого захвата, прыгает в сторону, к двери.

Мама цепляется ногами за табурет, падает, переворачивается и ползет на локтях.

За ее спиной вырастает бабушка. Платок сполз с головы, волосы растрепаны. Бабушка держит ножницы таким образом, что сомкнутые лезвия торчат из кулака. Рот ее искажился. Глаза выпучены. Это не любимая, добрая, милая баба Ряба. Это что-то другое.

Злая страшная ведьма!

– БАБА! БАБУШКА! – завопила Наташа, забыв, что все еще смотрит удивительный фильм из кадров далекого прошлого.

На мгновение ей показалось, что баба Ряба слышит ее. И мама, которая все еще ползла к дверям, вдруг поднимает голову.

– БАБУШКА, НЕ НАДО!

Картинка дернулась, исказилась, будто кто-то начал сминать бумагу, на которой всё это было нарисовано.

Бабушка замахивается лезвием, целясь маме в спину – нет! – в мамину изуродованную, остриженную голову!

Нет же, нет!

Наташа зажала голову руками, зажмурилась и закричала еще сильнее, до боли в горле, до хрипа! Перед глазами запрыгали яркие пятна. Холодный, холодный пол! Чернота злости закрыла его, подползла к ногам и коснулась бесконечно мерзкими щупальцами Наташиных пальцев. Мурашки стремительно пробежали от пяток к затылку.

Папа не знает, что это за рыжий мужчина!

Мама решила оставить ребенка?

От кого?

А потом выбрала папу.

Щелк! Щелк!

Это счастье, что она выбрала папу.

Мозаика оказалась слишком правдоподобной. Ее необходимо сломать и выбросить.

Потому что волосы, которые потом баба Ряба собрала, положила в воду в тарелке и замесала с зельями – они где-то хранятся. Гнилые волосы наложенного проклятия. Незаконченного проклятия. Что-то помешало бабе Рябе.

Например, мама нашла в себе силы выскочить из комнаты. Или ножницы выскользнули у бабушки из руки. Или Наташин крик каким-то образом разорвал время... В любом случае что-то произошло, и то колдовство, которое она затеяла

Мне не нужны дети от дочери-шалавы!

не сработало.

Вопль оборвался. Наташа не поняла, почему вдруг стало тихо.

Воображаемый мир закончился, пора возвращаться в реальность, дорогая.

Она открыла глаза и увидела, что дверь в комнатку под лестницей закрыта на щеколду. Замок исчез. А вязкая густая чернота медленно всасывается в щели между досками и капает на пол.

«Ты так удивишься, что ум за разум зайдет», – говорила бабушка.

Похоже, так оно и случилось.

Глава четвертая

1

Через три дня Грибов вернулся в Шишково на электричке.

Он и сам не знал, зачем сорвался так внезапно, да еще в разгар рабочего дня. Есть такая поговорка: «черт дернул». Видимо, сейчас она сработала на все сто процентов.

После похорон Грибов постоянно возвращался к тому моменту, когда нашел воткнутые в дверной косяк ржавые иглы. Вспоминал разговор о порче. Прокручивал в памяти образ мертвой тещи, лежащей в морге. И еще больно впивалась в сознание какая-то мелкая навязчивая мысль, которую он никак не мог ухватить. Мысль эта касалась Наташи, дочери. Она раньше них знала о смерти бабушки. Она же рассказала Наде подробности убийства. Откуда это всё? Зачем ей вообще нужно об этом знать?.. Наверное, в поисках ответов Грибов и приехал, хотя сам этого и не осознавал в полной мере.

Платформа оказалась пустая, неухоженная, заметенная снегом. С обеих сторон от покатой бетонной площадки тянулся серый зимний лес. Только по цепочке следов можно было понять, где среди этого леса скрывался поселок.

Грибов, спрятав руки в карманы, заторопился к тропинке и минут через пять вышел к первым домам. Еще через двадцать минут свернул, поплутал немного по бездорожью, мимо кирпичных домиков, желтых газовых труб и сугробов, потом вышел на центральную площадь, где в окружении клумб и елей стояло кирпичное двухэтажное здание администрации. Типовая постройка, привет из Советского Союза, и даже с уцелевшим памятником перед крыльцом. Молчаливый Ленин, плечи которого были укутаны снегом, протянутой рукой указывал путь в светлое будущее.

От центральной площади легче было ориентироваться.

Налево, потом пять минут по дороге без обочин, и вот он, дом Зои Эльдаровны.

Погруженный в свои мысли, Грибов не сразу сообразил, что стоит перед тещиной калиткой. Вокруг было тихо и пусто. Безлюдная улица, вереницы разномастных заборов, следы многочисленных ног на снегу – и тишина.

Он зашел во двор, огляделся. Вдоль забора расползались рыхлые сугробы, площадка у входа белела от снега. Еще остались следы похорон – опрокинутый стул у летней кухни, обрывки пакетов, которые разнес по двору ветер, какие-то бумажки, мусор, два алюминиевых ведра, забитых пустыми пивными банками. У дверей летней кухни Грибов заметил что-то черное, непонятное, вроде половика. Вспомнил, что видел это, еще когда приезжал сюда ночью за документами.

Странно, что никто до сих пор не убрал. Хотя, с другой стороны, а кто здесь вообще должен теперь убираться? Не соседи же.

Крыльцо перед пристройкой замело. У стены дома выстроились рядами обледенелые лавочки, которые притащили из местной церкви. Кто-то после похорон забыл на одной из лавочек шапку-ушанку, и она лежала черной изнанкой к небу, внутрь намело горку снега. Вокруг шапки расхаживали две взъерошенные вороны, разглядывая Грибова с таким видом, будто они здесь были хозяева, а он – незванный гость.

Почему-то Грибов первым делом решил заглянуть именно в летнюю кухню. Подошел ближе, разглядел, что черный половик – это вмерзшие в землю куриные перья. Они сваялись и слиплись между собой в сплошную массу.

Теща любила сидеть перед летней кухней на табурете и ощипывать кур, которым только что отрезала головы... правда, кур у Зои Эльдаровны не водилось уже лет пять, так откуда здесь сейчас взялись эти перья?

Подковырнув пару раз лед носком ботинка, Грибов плюнул на это дело, подошел к двери и долго дышал на замок, потому что отверстие замерзло и в него нельзя было попасть ключом. Наконец отворил. Внутри еще витал легкий аромат тепла и еды, то есть какой-то жизни. На похоронах тут готовили горячие блюда. Кухонька была маленькой: газовая плита, раковина, столик с висящим над ним шкафчиком, пара стульев. На дне раковины блестела замерзшая вода.

Грибов пересек комнату и остановился в предбаннике. Ему показалось, что он слышит тихий звук, будто кто-то хлопнул мокрыми ладошками.

Шлән!

Сразу за предбанником была еще одна дверь – в курятник. Кто-то приклеил к ней лист бумаги скотчем. На листе был нарисован прямоугольник – толстыми черными линиями – с точкой сбоку. Лист обтрепался и пожелтел по краям, вокруг скотча собралась налипшая мелкая пыль.

Грибов толкнул дверь плечом. Под ногами заскрипела галька. Пол был усеян пухом и перьями – напоминание о жителях курятника, которые давным-давно исчезли. С низкого деревянного потолка свисали обрывки проводов и клочья блестящей от изморози паутины. На поперечных балках стояли соломенные гнезда – по пять-шесть штук с каждой стороны. И по три ряда – от пола.

Создавалось впечатление, что кур здесь держали недавно. Но Грибов мог поклясться, что Зоя Эльдаровна зарубила последнюю, когда Наташе исполнилось одиннадцать. Они отмечали день рождения здесь – дочка настаивала. Грибов был с ними. Теща нахваливала жирный, вязкий бульон, приговаривая, что не зря прикончила последнюю птицу в доме. Одни хлопоты от этих кур...

В одном из гнезд что-то лежало. Грибов подошел ближе. Что-то черное, овальное, крохотное. Камень? Яйцо! По форме точно – яйцо! Осторожно дотронулся, ожидая чего угодно, только не теплой шероховатой поверхности... Будто кто-то недавно сжег это яйцо до черноты и положил сюда.

В другом гнезде лежали еще яйца, штук пять, горкой, одно на одном. Черные, с чешуйками гари или копоти по бокам. Грибов сделал несколько шагов, вглядываясь в гнезда, – и в каждом обнаружил еще по несколько яиц.

Кто их сюда положил? Зачем?

Теплые бока, несмотря на мороз (в курятнике едва ли было больше нуля градусов), легкий запах гари в воздухе... Яйца лежали среди пучков соломы, прикрытые высохшими листьями, в паутине желтоватых хрустящих веточек хмеля. Много их здесь было, почерневших, сожженных. Грибов взял одно, повертел, ощутил хрупкую тонкость подгоревшей скорлупы. Если сжать сильнее, то яйцо треснет и развалится. А что внутри? Желто-белая слизь, которая прилипнет к пальцам, дурно пахнущая, скользкая, мерзкая... Грибова передернуло от внезапных ярких эмоций. Он поспешно вернул яйцо на место.

В щели сквозь плохо подогнанные доски свет проникал косыми рваными полосками, как сквозь жалюзи. Оставлял на полу линии-тени. В какой-то момент тени эти дрогнули и увеличились, будто кто-то прошел с обратной стороны. На полу возник четкий человеческий силуэт, застыл на секунду и растворился.

– Постойте! – вырвалось у Грибова. Он развернулся и бросился к двери. Под ногами хрустела солома. Выбежал в кухню, из нее на улицу, в морозный воздух.

С прозрачно-голубого неба летели снежинки. Ветер гонял по оледенелому бетону пригоршни мелкого снега. Грибов бросился было за кухню, к огороду, но внезапно увидел, что за соседским забором кто-то стоит.

Забор был сетчатый, покосившийся, держался на редких металлических столбах, тянувшихся вправо и влево. Еще была калитка в металлической раме, и к калитке этой тоже оказался приклеен лист, на котором кто-то нарисовал прямоугольник с точкой. Края листа трепетали от ветра.

Упершись руками в варежки в калитку, с обратной стороны стояла девушка.

Девушка была молодой, лет двадцати пяти, а то и меньше. Одета в длинное коричневое пальто с большими темными пуговицами и меховым воротником. На голове платок, на ногах сапожки. Худые щеки покраснелись от мороза. Губы тонкие, нос острый. Симпатичная, в общем. Из той породы девушек, которых не сразу замечаешь, но уж если заметил – трудно отвести взгляд.

– Сочувствую вашей утрате, – сказала девушка негромко.

Грибов пожал плечами. За забором был хорошо виден соседский огород, занесенный снегом. То тут, то там среди пушистых белых сугробов торчали карликовые деревца. Справа за спиной девушки, метрах в трех, стоял дом из красного кирпича – одноэтажный, старенький. Грибов заметил деревянное крыльцо, невысокую дверь, обитую потрескавшимся дерматином. На крыльце стояло ведро с тонкой гнутой ручкой.

– Это вы там сейчас?.. – спросил Грибов, кивнув в сторону летней кухни.

– Что?

– Вы заходили?

– Куда?

– Во двор. Сюда, во двор.

– Не имею такой привычки.

– Простите, я, видимо... – Грибов ощутил сильную неловкость, убрал руки в карманы и замолчал.

– Передайте Надежде, что у нее была хорошая мать и на нее никто не держит зла, – внезапно сказала девушка.

– Я передам, – кивнул он. – А вы были знакомы?

– Один раз виделись. Мельком.

Еще один вопрос едва не сорвался с кончика языка: а зачем кому-то держать зло на Зою Эльдаровну? Но девушка, коротко кивнув, развернулась и пошла по тропинке.

Грибов постоял немного, наблюдая за ней, потом вернулся во двор. Его собственные следы стремительно исчезали под снегом. Колючий ветер напомнил о том, что Грибов забыл надеть шапку.

Дверца летней кухни поскрипывала. Грибов взялся за нее рукой, размышляя, следует ли вернуться в курятник, потом сам же удивился этой мысли. Ну лежат там сгоревшие яйца, и что? У Зои Эльдаровны была странная жизнь. Деревенская ведьма, как-никак. Мало ли что еще можно найти в ее доме? Почему-то вспомнилась старая пословица: «Не хочешь найти неприятностей – не ищи их!» Мудрый человек сказал, не иначе.

Он заметил еще какое-то движение. Дверь в дом неожиданно отворилась, и на крыльце показался Антон Крыгин собственной персоной.

– Я вас ждал, если позволите, – радостно сообщил он. Ветер растрепал его жиденькие волосы. – Заходите, заходите скорее, не мерзните!

Крыгин посторонился, пропуская, закрыл дверь. В глубине, у газовой плиты, стоял еще один человек – высокий, сутулый, одетый в длинное серое пальто с поднятым воротом. Грибов разглядел только длинный нос и большие черные очки.

– Вы что здесь делаете? – первым делом спросил он, поворачиваясь к Крыгину.

Тот пожал плечами и сбивчиво заговорил:

– Мы же с вами обсуждали. Порча, мой дорогой, порча в полный рост! Если не действовать прямо сейчас, то мало ли что может случиться. Знаете, как с клопами? Одного зацепите, принесете в дом, и всё – через пару недель у вас полные комнаты кровососущих тварей, и никуда от них не деться... Курите?

Он суетливо выудил из кармана серебристый портсигар. Грибов отказался.

– Я, впрочем, тоже не курю, – сказал Антон Александрович, потирая ладони. – Не то чтобы за здоровый образ жизни, но к сигаретам равнодушен. Не понимаю смысла. Успокоиться хотите? Так есть же множество других способов! Ванну принять, например, или, если изволите, водочки граммчиков сто или даже сто пятьдесят... – Он помолчал и неожиданно произнес: – Вот, говорят, Цыган, Цыган. А я не верю.

– Простите?

– Цыган варил лучший самогон в Ленобласти, – продолжал Антон Александрович. – Если бы я имел власть, реальную власть, вы понимаете, то я бы на его самогонный аппарат поставил бы акцизную марку. Это же знак качества! Каждая свадьба или похороны в Шишкове – самогон Цыгана. Недорого, качественно, успокаивает. Нет, не верю я, что человек, который так прекрасно варил самогон, мог взять и ударить кого-нибудь топором по голове.

– Никто их не убивал, – подал голос сутулый в плаще. Говорил он хрипло и медленно, будто вытаскивал слова откуда-то из глубины прокуренной глотки.

Грибов повернулся к нему:

– То есть несколько ударов топором по голове – это не убийство? Несчастный случай? Как в хорошем анекдоте...

– Кто-то навел порчу, – продолжил сутулый, глядя Грибову в глаза не моргая. – Я чувствую здесь много, много нехорошей энергии. Ваша теща всё равно бы погибла. Простите.

Грибов вздохнул. Кажется, снова вернулись к разговору трехдневной давности.

– Порча, ага. И как она проявляется?

– Послушайте, – вмешался Антон Александрович, приглаживая волосики ладонью. – Вы можете сто тысяч раз не верить, но у вашей тещи были способности. Слово «ведьма» затасканное, конечно, штамп, если позволите. Но она действительно умела делать много такого, чего не объяснить наукой. Потустороннее. И уж если она умела наводить порчу, то и любой другой человек со способностями тоже может. Сейчас же как всё? Залез в Интернет, нашел нужную информацию, потренировался, ну и в путь! В большом городе, знаете ли, много возможностей. За деньги можно пройти тренинг по колдовству, обучиться азам как белой, так и черной магии. Вы слышали когда-нибудь о цифровых кодах, которые могут загипнотизировать человека?

– Нет.

– А об автогипнозе? Самоисцелении? Ребефинге?

– Что? Нет, не слышал. Но я нашел иголки в дверном проеме. Разные, ржавые. Поймите, я не отрицаю, что тут, возможно, что-то есть. Но...

– Вы далекий от всего этого человек, – сказал Крыгин. – Это нормально, что вы сомневаетесь. В городе всё по-другому воспринимается. С точки зрения бизнеса, что ли. А тут, в поселках, магия ближе. Вернее, даже не магия, а ведьмовство.

– Зависть, – сказал сутулый и кашлянул в кулак. – Кто-то завидовал хозяйке дома. Много признаков.

– Вы имеете в виду – завидовал, что она была ведьмой?

– Не только. Зависть разная бывает. Кому-то не угодила. Или более слабая ведьма решила устранить конкурентку. Или еще что... Для зависти много не нужно, это поверхностная эмоция. Раз-два – и готово. – Сутулый звонко щелкнул длинными пальцами, и Грибов вздрогнул.

Ему показалось, что человек стал ближе, хотя тот не двигался. Он навис над Грибовым, заслоняя окно. Грибов различил седину на висках, морщинки вокруг глаз, увидел бледные розоватые ногти, аккуратно подстриженные, без заусенцев. Еще видел растрескавшиеся губы и гниловатые зубы. Ощущал не слишком приятное дыхание. Ему вдруг захотелось оказаться где-нибудь подальше.

– Удар пришелся по близкому ей человеку, – продолжал сутулый. – Кто-то навел порчу на Цыгана. И тот не смог сопротивляться. Он дождался, пока Зоя Эльдаровна ляжет спать, потом взял топор. У них на заднем дворе есть дровяной сарайчик. Цыган часто колол там щепки и поленья для растопки летней печки. Так вот, Цыган взял топор и поднялся на второй этаж. Порча сожрала его душу и разум. Сомневаюсь, что он вообще в тот момент соображал. У них в доме отличная лестница. Ни одна ступенька не скрипит. Цыган поднялся бесшумно. Он зашел в спальню. Думаю, там горел ночник. У Зои Эльдаровны есть уютный ночник на столике у кровати. Зоя Эльдаровна уже спала. Она лежала на спине, потому что была полной женщиной и с трудом засыпала в других позах. Цыган подошел ближе и замахнулся. Может быть, в этот момент он преодолел заклятие, успел шепнуть: «Прости», или что-нибудь в таком духе... хотя я, наверное, слишком сентиментален. Но потом топор опустился и проломил череп. Зоя Эльдаровна могла быть еще жива. Тогда он ударил ее еще раз. Не в силах сопротивляться, понимаете? Кто-то очень умело подставил Цыгана. И он бил много раз, прежде чем понял, что Зоя Эльдаровна мертва.

Рассказывая, сутулый достал откуда-то из недр плаща горсть тонких свечей и принялся зажигать их по одной, клацая дешевой зажигалкой. По сениям мгновенно разлился запах воска.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросил Грибов тихим голосом. – Откуда вы всё знаете? Про комнаты, про ступеньки и топор...

– Это очень сильный маг. Из города, – шепнул Крыгин. – Доверенное лицо нашего мэра, между прочим. Я постарался, пригласил.

– Хорошо, пригласили. Но почему об этом никто не знает?

– Я Наде звонил, если позволите. Предупредил. Она дала добро на сеанс. Тем более для вас бесплатно, говорю же. Кто же вообще откажется? – Антон Александрович аккуратно взял Грибова под локоть и зашептал еще увереннее: – Послушайте, Артем, никому от этого хуже не будет. Хорошее же дело. Номинально, если позволите, хозяйка дома теперь – ваша бывшая супруга, а не вы. Я могу задать вам такой же вопрос – что вы тут сейчас делаете, да еще и в рабочий день? Но я же не задаю. Знаете почему? Потому что делаем одно дело, чтобы всё у всех было хорошо. Так что, если хотите, оставайтесь, только не мешайте. А если не хотите, так мы вас не держим. Со всем уважением, Артем.

Он улыбался, этот Крыгин, и опять стал похож на крысу. Хитрющую такую крысу, которая ворует из холодильника прямо под носом. И ведь как ему ловко удалось в одном монологе намекнуть, что Грибов тут никто, и надавить на жалость и ответственность. Не зря в администрации работает. Язык подвешен будь здоров.

Грибов освободил локоть.

– И как будет происходить сеанс? – спросил он, недобро разглядывая сутулого.

Тот водил букетом из горящих свечей из стороны в сторону, внимательно разглядывая дрожжущие огоньки.

– Пойдемте, – велел Крыгин и первым прошел за двери в коридор. – Сначала спальная комната и гостиная на первом этаже.

– В ней меньше негативной энергии, – подал голос сутулый. – Разомнемся.

Следующие минут десять он расставлял по углам свечи.

Дом уже успел выстыть, в просторной гостиной было холодно, гулял морозный воздух.

– Обратите внимание на пламя, – бормотал вполголоса Крыгин. – Видите, оно темно-желтого цвета? Это значит – порча. Плохая энергетика скопилась.

– И что он будет с ней делать?

– Чистить, что же еще?

Сутулый, словно услышав, содрогнулся всем телом, поднял к потолку длинные руки и затараторил хриплым голосом непонятно и неразборчиво. Что-то подобное Грибов видел в разных передачах про шаманов, оккультистов и прочих не слишком здоровых на голову людей. Ему тут же стало неуютно, захотелось выбраться на улицу. Но он продолжал стоять и наблюдать, как сутулый прыгает по гостиной, размахивает руками, горбатится, хрипит, мотает головой. Свечи, расставленные по углам, погасли одна за другой, черные ниточки дыма вытянулись вертикально вверх.

– Давит что-то со всех сторон, – сказал Крыгин. – Раньше не было. Мы с супругой часто сюда заглядывали. Зоя Эльдаровна отлично гадала, судьбу смотрела. Чай пили с медом и с пышками. Замечательные пышки.

Сутулый задрал полы плаща, присел на корточки и коротко, с надрывом, взвыл.

– Сейчас он расставит свечи, читая молитвы, – продолжал говорить Крыгин. – Потом, когда каждая свеча соберет частички порчи, он будет гасить огонь и разжигать так называемое очищающее пламя.

– Чертовщина какая-то, – буркнул Грибов (хотя на языке вертелись определения более хлесткие и менее цензурные) и вышел из гостиной в коридор.

Оказалось, что в коридоре дышится легче: откуда-то тянет морозным сквозняком. В гостиной же действительно как будто давило что-то со всех сторон – и не замечаешь, пока не выберешься.

– Чушь и чепуха, – пробормотал Грибов, тряхнув головой. Ему захотелось выпить и покурить. Причем именно в таком порядке. Он вспомнил, как укладывал холодные бутылки водки, оставшиеся после поминок, в погреб на заднем дворе.

Из-за двери снова хрипло взвыл сутулый специалист по порче. Показалось, что ему вторит какой-то другой вой, далекий и едва слышный. Когда вой сутулого оборвался, тот продолжался еще несколько секунд и только потом стих.

В это же время Грибов увидел, что за окном около лестницы кто-то стоит. Кто-то темный, едва различимый. Тень его расползлась по дощатому полу, накрыла горшок с фикусом, мелкую земляную крошку и желтые листья, рассыпанные вокруг горшка.

– Эй, вы кто? – спросил Грибов, делая шаг в сторону окна.

Наверняка это был тот же человек, что наблюдал за ним в летней кухне. Бомж какой-нибудь, или очередной сосед, вроде надоедливого Антона Александровича. В деревнях, слышал Грибов, о личном пространстве и частной собственности вообще мало кто задумывался.

Чернота за окном стерлась, будто стоящий там человек быстро ушел. А вот тень его осталась и продолжила расползаться, покрывая пол тонким налетом голубоватого инея. Грибов остановился, не понимая, что делать и как реагировать. Это же не фильм ужасов, чтобы вот так запросто начать орать и звать на помощь. Но и в реальной жизни такое случается, прямо скажем, не часто.

Он нащупал в кармане связку ключей, сжал ее в кулаке, выставив между пальцев длинный офисный ключ. На всякий случай.

Тень добралась до плинтусов и поползла по стенам. Иней полз следом за ней. С инеем было что-то не так. Местами он будто обходил невидимые препятствия, оставляя темные провалы. И эти провалы напоминали то чьи-то следы, то отпечатки рук, то длинные извилистые царапины на полу...

Вот здесь действительно стало страшно.

Из-за спины донесся вой сутулого. Грибов вздрогнул. Темнота, облепившая стены, вдруг оторвалась от старых обоев

Шлён!

и густым желе обвалилась на пол вокруг фикуса. Она мгновенно впиталась в щели пола, слизав за собой иней, землю, осыпавшиеся листья и образовав на полу ровный темный квадрат. Тут же Грибов отчетливо увидел на этом месте дверь. Точно! Дверь в погреб или в подвал. Так просто никогда бы не заметил, но заметив – уже точно будешь знать, где она находится.

Кадка с фикусом стояла на том месте, где должна быть ручка двери.

Вой за спиной оборвался. Раздались голоса, и кто-то начал звонко вышагивать по дому – то ли в гостиной, то ли над головой. Охваченный азартом Грибов даже не подумал возвращаться за Антоном Александровичем или сутулым. Он отодвинул тяжелую кадку с фикусом, увидел овальную дыру в полу, куда могла бы пролезть ладонь. Ухватился за край дыры, потянул дверь на себя. Доски пришли в движение, поддались легко и бесшумно, обнажая квадрат черноты с едва видимыми бетонными ступеньками, уходящими куда-то вниз.

Грибов присел на корточки, включил на телефоне фонарик, осветил. Белый луч вгрызся в кирпичные стены и шербатые ступени, но до самого низа не добил. Почему-то сразу захотелось спуститься и разведать, что же такое могла скрывать в подвале теща. Может быть, это очередная ведьмовская штука, о которой судачат все вокруг. Или закрутки с огурцами и помидорами. Или деньги в аккуратных пакетиках, скопленные за много лет честным трудом на ниве приворотов, снятия порчи и лечения чужой скотины...

Он сам не заметил, как осторожно перешагнул через первую ступеньку, одной рукой держась за шершавую стену, а во второй держа фонарик, которым подсвечивал себе путь. Чернота расступалась перед ним, рассыпая под ногами иней.

Воздух здесь был еще холоднее, злее.

Через десять ступеней неожиданно появился странный неприятный запах. Грибов будто погрузился в него, как в бассейн с холодной водой.

Еще несколько шагов.

Шлён.

Ступени кончились, стены раздвинулись, свет телефонного фонарика высветил бугристый земляной пол, покрытый всё тем же инеем. Виднелись отпечатки босых ног, ладоней, зигзаги, извилистые тонкие линии.

Воздух пришел в движение, огорошив новым едким запахом. Так пахнет в общественных туалетах, где сто лет никто не убирался. В переполненных мусорных баках. В подвалах, где прорвало канализационную трубу.

Грибов вскинул руку с фонариком к носу. Луч света беспорядочно рассекал темноту, и вдруг из этой темноты на него что-то прыгнуло.

3

Он успел увидеть тонкое скуластое личико с черными впадинами вместо глаз, с распахнутым ртом и окровавленными зубами. А потом у него вышибли телефон из рук.

Кто-то взвизгнул по-собачьи – этот визг прозвучал особенно пронзительно в тесном замкнутом помещении. Грибова вдруг повалили на пол и принялись душить тонкими ломкими пальцами. Связка ключей выпала из руки и со звоном куда-то отлетела.

В нос забился едкий гнилой запах, будто мочу смешали с тухлыми яйцами и всё это вылили сразу на лицо. Грибов ударил не глядя, раз, второй, в мельтешащую над ним темноту. Угодил во что-то мягкое, потом явно попал по подбородку. Хрустнуло. Хватка ослабла, и Грибов, сумев подтянуть руки к шее, хрипло закашлял.

На него снова налетели, неразборчиво колотя.

– Станешь таким... Дай только... До глаз!.. Никогда, никогда! – голос был женский, яростный. И – знакомый.

Острые когти вцепились в щеку, разодрали кожу до крови. Грибов снова ударил неведомо кого. Подался вперед, навалился на трепыхающееся, извивающееся, сопротивляющееся тело, подмял под себя. Нашупал крохотную голову с длинными сальными волосами, обхватил ее и несколько раз приложил об землю. Клацнули зубы – его укусили за указательный палец. Потом еще раз, больно до одури.

– Чтоб тебя!.. – прохрипел он, вскакивая.

Нападающая затаилась в темноте. Грибов слышал только прерывистое сипящее дыхание. Миазмы забивали ноздри. Нестерпимо хотелось глотнуть нормального свежего воздуха.

– Кто ты такая? – спросил Грибов, ощупывая взглядом темноту.

Конечно, ему никто не ответил.

– Я ничего плохого тебе не сделаю. Давай... поговорим...

До него постепенно дошла вся нелепость и странность сложившейся ситуации. Неужели теща действительно держала в подвале живого человека? То есть, тьфу, не мертвого же.

Чернота перед его лицом сгустилась, а затем резко рассыпалась на миллиарды белых огоньков. Кто-то поднял телефон с включенным фонариком. Блики света отразились от зеркал, которые, оказывается, были развешаны на стенах. Грибов рефлекторно поднял руки к лицу. Из глаз брызнули слезы, и уже в размытой и искаженной картинке он увидел девушку лет двадцати пяти, которая стояла в полуметре от него.

Это была та самая девушка-соседка, с которой он разговаривал минут двадцать назад.

Но как же сильно она изменилась!

Лицо у девушки было в бурых кровоподтеках, губы порваны, вокруг глаз расплылись синяки. Вместо одежды на ней оказалась драная накидка. Запястья туго стянуты веревкой. В одной руке она держала телефон, а в другой зажала связку ключей – его, Грибова, ключей! – выставив между пальцев офисный тонкий ключ.

Девушка замахнулась.

– Стой, дура! – рывкнул Грибов, отпрыгнув в сторону. Места было мало, что-то звякнуло под ногой – жестяная тарелка, полная каких-то черных хлопьев, будто кошачьего корма. Он поскользнулся, взмахнул руками, будто собирался взлететь, и почувствовал, как что-то острое вспарывает ему кожу на шее, под подбородком.

Белый яркий свет метался по подвалу, будто испуганная канарейка, и болезненно резал глаза.

– Боль придает сил, запомни это! – зашипела девушка, выплевывая слова вместе со слюной и кровью сквозь разорванные губы. Она оказалась совсем близко. Вонь исходила от этого давно не мытого, запущенного тела. – Боль придает сил! Навсегда, слышишь? Ничего личного, прости.

Грибов застонал, упираясь спиной в холодное зеркало. Взмахнул несколько раз кулаками, пытаясь защититься, отбить атаку. Следующий хлесткий удар пришелся по ладони. От боли закружилась голова.

– Чтоб тебя!.. – выдохнул Грибов.

Яркий свет телефонного фонарика впился в глаза. Зеркало под тяжестью спины прогнулось и как будто превратилось в желе.

Что-то тяжелое опустилось Грибову на голову, и свет померк.

Глава пятая

1

Наташа ощутила слабое прикосновение к затылку, когда сидела в школьной столовой. Будто кто-то слегка стукнул ее по голове ладонью. Не с целью сделать больно, а чтобы привлечь внимание.

Она обернулась, уже зная, что никого не увидит. Удар добрался до нее... из ниоткуда. Из густой черноты, куда время от времени проваливался этот мир. Через стол от Наташи сидели старшеклассницы во главе с Машей, о чем-то галдели, что-то обсуждали. Они могли, конечно, швырнуть в Наташу стаканчик или вилку (как делали это частенько, когда не до кого было больше докапываться), но им сейчас явно было не до того – Маша что-то показывала подружкам в телефоне.

В ушах заскрежетало и зазвенело, провернулись шестеренки старого невидимого механизма.

– Не сейчас, пожалуйста! – только и успела пробормотать Наташа.

Но ее некому было услышать.

Ложка с недоеденным пюре выпала из рук, звякнув о тарелку, и этот слабый звук тут же растворился в стремительно подступающей темноте.

Растворилась столовая, пропали галдящие дети, выветрился запах макарон и супа харчо. Чернота казалась осязаемой и вязкой, будто свежая краска, которой закрасили мир вокруг.

Из черноты на нее кто-то смотрел. Наташа повертела головой. Бабушка говорила, что тех, кто здесь прячется, можно увидеть, если очень постараться. Если обладать навыками. Вот только она не успела рассказать все тонкости, хотя и очень старалась.

– Кто здесь? – спросила Наташа, зная, что голос звучит только в ее голове. Даже губы не шевелились.

Чернота в одном месте пошла рябью, расплылась, обнажая белые черточки, линии и изгибы. Проявилось женское лицо с тонкими скулами и острым подбородком. Оно открывало и закрывало рот, наполненный такой же густой чернотой. Женщина беззвучно кричала. Это место поглощало ее крик, пожирало его.

Рядом с женским лицом такими же штрихами небрежно нарисовалось другое – мужское, папино. Его легко было узнать. Папа тоже открывал и закрывал рот. Наташа невольно шагнула вперед, протянула руку, чтобы дотронуться, – папа оказался в опасности, его надо вызволить, как-то протащить сквозь черноту! Но нужных навыков не оказалось, бабушка не научила... Чернота вокруг пришла в движение и сорвалась, как старое одеяло, вместе с кричащими лицами и острым ощущением несчастья.

Наташа поняла, что она не в школьной столовой, а в каком-то другом месте. Это была крохотная комнатка с низким потолком, с драными обоями, какими-то старыми шкафами, стоящими вдоль стен, с расстеленным на полу ковром и бархатными занавесками, развевающимися на ветру. Кольнуло холодом.

Перед Наташей стоял высокий и худой молодой человек – обнаженный по пояс, пьяный, с сигаретой в руке. Отец Маши, старшеклассницы. Только еще молодой.

Знания, как обычно, проявились сразу же. Будто кто-то засунул в голову Наташи флешку и сбросил всю необходимую информацию.

Его звали Олегом, он собирался с силами, чтобы продолжить... Что?

Капли пота блестели на его груди, под подбородком, на переносице.

За спиной Олега на разложенном диване лежала Машина мама – Лена. На вид ей было лет двадцать пять, не больше. Она была потная и голая, пьяная и накуренная. Тушь размазалась под глазами темно-синими кляксами, губная помада яркими зигзагами пробежала по щекам и подбородку.

– Олежа, ну ты скоро? – спросила Лена после затяжки. Одновременно со словами изо рта выплетался сизый дым. – Как там в фильме, а? «Я вся горю», и так далее!

– Секунду, погоди. Дай отдышаться.

Олег запустил правую руку в трусы. Закрыв глаза, подняв голову к потолку.

В углу мерцал старый монитор с выпуклым экраном, из колонок урчала какая-то попса. Олег двигал рукой в трусах, бормоча что-то себе под нос.

Наташа зажмурилась. Сигаретный дым лез сквозь веки и жег ноздри.

– Давай без презика, – сказал из темноты Олег. – Я умею вынимать, когда надо. На раз-два-три. А то задолбался, никаких нормальных ощущений.

И все разом стерлось, хотя кошмар не закончился. Наташа знала, что ему еще рано заканчиваться.

Она открыла глаза и снова увидела Лену – теперь уже одетую и трезвую, со скромным макияжем и тщательно замазанным синяком под левым глазом. Комната все та же: прокуренная, обшарпанная, неприятная.

Сквозь распахнутое окно пробивался яркий свет, косыми линиями рассекающий линолеум на полу.

– У тебя нет выбора, – сказала Лена, разглядывающая собственные руки, будто впервые их видела. Каждый пальчик, каждый заусенец. – Я не собираюсь делать аборт, сам знаешь. Предупреждала ведь. Не женишься – мой батя тебе башку оторвет. Он из девяностых, у него понятия. Ясно тебе?

Олег стоял тут же, в углу комнаты. Он просто кивал, ничего не говоря. Кивал, кивал, как китайский болванчик. Смотрел в пол.

– У нас будет свадьба, – продолжала мама Маши. – Папа подарит квартиру, все дела. Но ты в ней жить не будешь. Можешь катиться на все четыре стороны, главное – о ребенке не забывай.

– А если я захочу остаться с тобой? – негромко спросил Олег. – Если я правда тебя люблю?

– Мы трахались всего месяц, какая, блин, любовь?

– Самая настоящая. Мало ли. И ребенка буду любить.

Будущий отец Маши поднял глаза, и Наташа увидела в его взгляде что-то такое, от чего захотелось громко завопить. Страшный был взгляд, безумный, наполненный густым сигаретным дымом.

– Я буду любить вас вечно, – сказал он хриплым голосом Цыгана.

Наташу вышвырнуло сначала в черноту, а потом в нормальный, настоящий мир, туда, где была школьная столовая и стоял запах еды.

Она потеряла равновесие – поздно сообразила – завалилась набок, роняя стул и сметая со стола тарелку и стакан компота. Выставила перед собой руки, но это не помогло – ладони угодили во влажное, разъехались в стороны. Щекой приложилась к холодному полу и увидела Машу за соседним столиком – поймала ее взгляд. Маша снимала происшедшее на телефон. Верные подружки, столпившиеся вокруг, хихикали и тыкали в сторону Наташи пальцами.

А Наташа вдруг поняла, что в растворяющейся черноте проступило множество мелких деталей.

Кое-какие были прорисованы четко и ярко, другие обведены желтыми, красными, зелеными контурами и выведены в центр своеобразного бытия. А были такие эпизоды, которые

прятались в тени, по углам мозаики, старались не попадаться на глаза, потому что знания о них не должны были открываться кому бы то ни было.

Если не обладаешь навыками.

От неожиданности Наташа заморгала, не понимая, что все еще смотрит на Машу, не видя ее взглядом. Потому что она различила среди темных, притаившихся деталей Машиного отца: к тридцати семи годам он выглядел спившимся стариком. Похудел настолько, что торчали ребра и позвонки. Сутулился, горбился и громко, часто кашлял. У него были тонкие длинные пальцы. Этими пальцами он зажимал Маше рот, водил ими по ее тонкой шее, по плечам, залезал пальцами под лифчик и гладил там...

Наташе сделалось дурно.

– На что уставилась, балбесина? – спросила Маша хихикая. – У тебя котлета уплывает, лови давай!

Она подошла ближе, продолжая снимать на телефон. Наташу обступили, кто-то протянул руку, чтобы помочь подняться.

А из-за спин девочек показался Олег. Он обнял Машу чуть ниже талии, взъерошил ее волосы. Кончик языка показался между гнилых черных зубов и дотронулся до мочки Машиного уха.

Выродок, мой выродок, – шепнул он, поскуливая от возбуждения. – *Мамка нагуляла, а я, значит, виноват. Всю жизнь должен расплачиваться, да?*

Маша не была его дочерью. Лена переспала еще с десятком парней за спиной Олега. То была бурная молодость богатой девушки, у которой есть влиятельный отец. Всё выяснилось, когда Маше исполнилось девять. На ее дне рождения напившийся Олег прижал жену к стене на кухне и, угрожая ножом, потребовал рассказать правду. Маша не была на него похожа, вдобавок на подбородке у нее была ямочка, а у Олега – нет. Почему он всё это время вынужден терпеть под боком чужого ребенка? Чей-то выродок, получается, испортил ему жизнь?

– Выродок, – произнесла Наташа, разглядывая притаившегося у Маши за спиной Олега.

Он ухмылялся, продолжая облизывать ее ухо. Глаза были заполнены сигаретным дымом.

– Что ты сейчас сказала? – Маша присела на корточки и цепко схватила Наташу за подбородок. – Ну-ка, блин, повтори!

Повтори, повтори, много-много раз!

Некто в облике Олега, порождение черноты, схватил Наташу за волосы и медленно намотал прядь себе на кулак.

– Как ты меня назвала? – прошипела Маша и, не размахиваясь, ударила Наташу по щеке ладонью. – Повтори, говорю! Как ты меня, блин, назвала?

С девяти лет Олег стал называть Машу выродком. Сначала злобно и язвительно, потом с издевкой, а когда Маша выросла, превратилась в симпатичную девушку, слово это в его устах вдруг приобрело эротический оттенок.

Затаскивая дочь в угол ванной, между стиральной машинкой и раковиной, он запускал пальцы везде, куда мог дотянуться, облизывал Машину шею, плечи, щеки, грудь – ничего большего пока себе не позволял – и шептал: «Выродок, мой выродок! Ну надо же, свезло так свезло». А Маша в такие моменты тряслась от страха и тихонько молилась, в надежде, что отец остановится, не зайдет дальше, чем вообще возможно...

Еще один хлесткий удар по щеке вышвырнул Наташу в реальность. Из глаз брызнули слезы. Она заморгала, ища взглядом Олега, но того уже не было. Он остался в привычной черноте, где ему и место.

Маша схватила Наташу за ворот платья и рывком подняла. Затрещала ткань. Наташа увидела, как бежит по диагонали, роняя стулья, перепуганная классная руководительница.

– Ты откуда это?.. – зашипела на ухо Маша. – Ты знаешь, что я с тобой сделаю, если ты кому-то расскажешь? Я тебе горло перегрызу за «выродка», поняла?

Кто-то встал между ними, принялся разнимать.

– Прости, я... – Наташа не успела договорить, потому что Маша вывернулась и еще раз звонко ударила ее по щеке. Потом направила на нее телефон и рассмеялась.

– Клевое будет видео! – сказала она, ловя восхищенные взгляды подруг. – У этой дурочки еще и припадки, прикиньте! Здорово же!..

2

Надя проснулась от странного ощущения – будто ее только что ударили по голове.

Она снова заснула на диване в гостиной, да еще с пустым бокалом в руке. Как не уронила?

На журнальном столике стояла бутылка мартини, рядом с ней – пакет сока, яблочные дольки, тающие кубики льда в блюде и пузырек валерьянки. Как же без нее, да?

Голова болела от удара. Надя потеряла затылок, пытаясь сообразить, что произошло. Наверняка заснула в неудобной позе, вот и заклинило что-то... Перед глазами все еще витали обрывки сна. Этот сон был неприятный, из прошлого. Такие сны походили на кошмар, их не хотелось вспоминать.

Во сне Надя поссорилась с соседской девочкой, потому что та оторвала любимой Надиной кукле голову. Девочке просто нравилось портить игрушки. Она бегала с оторванной пластиковой головкой, держа ее волосы в кулаке, и кричала, что сейчас возьмет спички и устроит настоящий пожар.

Надя сначала пыталась девочку догнать, а когда поняла, что не получится, остановилась посреди пыльной дороги и неожиданно расплакалась. Это было невероятное, чудовищное ощущение бессилия. Во сне оно усилилось в тысячу раз, напомнило о том, как иногда бывает больно, если ничего нельзя сделать. Например, вернуть к жизни маму, чтобы успеть с ней помириться.

– Пожар, пожар! – кричала довольная девочка. – Это будет самый большой пожар в мире! А ты залешь его слезами, рёва-корова!

Наде хотелось ее убить. О, это стойкое ощущение всепожирающей ненависти!

Но вместо этого Надя побежала домой. Слезы душили ее. Подкатила икота. Губы сделались солеными. Надя вошла во двор, уселась на лавочке и зарыдала в голос, растирая слезы и сопли по щекам. Больше она ничего сделать не могла.

Из дома выскочила перепуганная мама, схватила Надю в охапку, прижала к себе. От мамы пахло мукой. Надя слышала, как тревожно бьется мамино сердце. Она подумала, что у ее любимой куклы никогда не будет сердца, потому что теперь нет головы, и заплакала еще сильнее.

Мама, ничего не спрашивая, завела ее в дом, а сама спустилась в подвал в коридоре. Его квадратную дверцу придавливал большой горшок с каким-то цветком. Когда мама отодвигала горшок и просовывала пальцы в овальное отверстие, Надя пугалась. Из подвала веяло холодом, чернотой и чем-то очень-очень страшным.

Через секунду она уже сидела за столом в кухне, а мама поставила перед ней глиняную чашку и сказала: «Выпей!» Чашка была наполнена водой, а в ней плавали какие-то мелкие листики и веточки. От чашки пахло шоколадом и молоком, хотя Надя видела обрывки паутины на ее боку и кусочки влажной земли, прилипшие к неровному ободу.

Икая и шумно втягивая сопли, она немного отпила. Даже во сне чувствовался вкус – вода была теплая и горьковатая.

– До конца выпей, – посоветовала мама. – И пока будешь пить, подумай о той дрянной девочке, что бежит по улице с оторванной кукольной головой в руке.

Надя допила, четко представляя себе хамское лицо девочки. Девочка кричала «Пожар!» – и у нее горели волосы. Должно быть, это было очень больно и неприятно.

С каждым глотком Надя успокаивалась. Сначала пропала икота, потом высохли слезы. На душе стало как-то спокойнее.

«Я сейчас проснусь», – подумала она, но не проснулась.

– Теперь беги на улицу и забери свою куклу, – сказала во сне мама.

Выйдя за калитку, Надя никого не увидела. Соседская девочка куда-то пропала. Наверное, ей надоело бегать. А вот на лавочке возле забора лежала Надина кукла – туловище отдельно, голова отдельно. Но это не беда, это можно починить! Главное, что пластиковая голова была в порядке, никто не устроил с ней пожар.

Надя моргнула, стирая остатки сна.

Кое-что она еще вспомнила. Пожар в соседском доме. Когда это случилось? Может быть, через несколько дней после злосчастного эпизода с куклой, а может, спустя много лет. Память – такая непостоянная штука, а сны имеют свойство сильно исказить воспоминания.

Она прошла по пустой квартире, включила телевизор, села на диван и несколько минут смотрела очередной нудный сериал по Первому каналу. В сериале молодая девчушка, живущая в двухуровневой квартире и разъезжающая по Москве в автомобиле с собственным шофером, жаловалась по телефону маме, что ей совсем не на что жить. Нам бы такие проблемы...

Затылок ломило, а мысли были вялыми и беспомощными. Очень хотелось закутаться в одеяло с головой и снова заснуть. Надя поймала себя на мысли, что перебирает в уме названия бутылок, которые засунула на антресоли. Black Horse, Sedara, Sherwood. Мартини, опять же, недопитый стоит. Позвонить, что ли, подружкам, устроить вечеринку на всю ночь, чтобы забыться, отвлечься и всё такое...

И как это она умудрилась не заметить, что снова пьет? Клялась же себе, что выбросит алкоголь и вычистит из жизни всё, что с ним связано. Однако же вот оно, похмелье. А следом – дурные мысли.

Она вскочила, вернулась на кухню. Сигарета. Вторая за полчаса. Щелчок зажигалки. Отодвинула занавеску, уставилась на зимнюю улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.